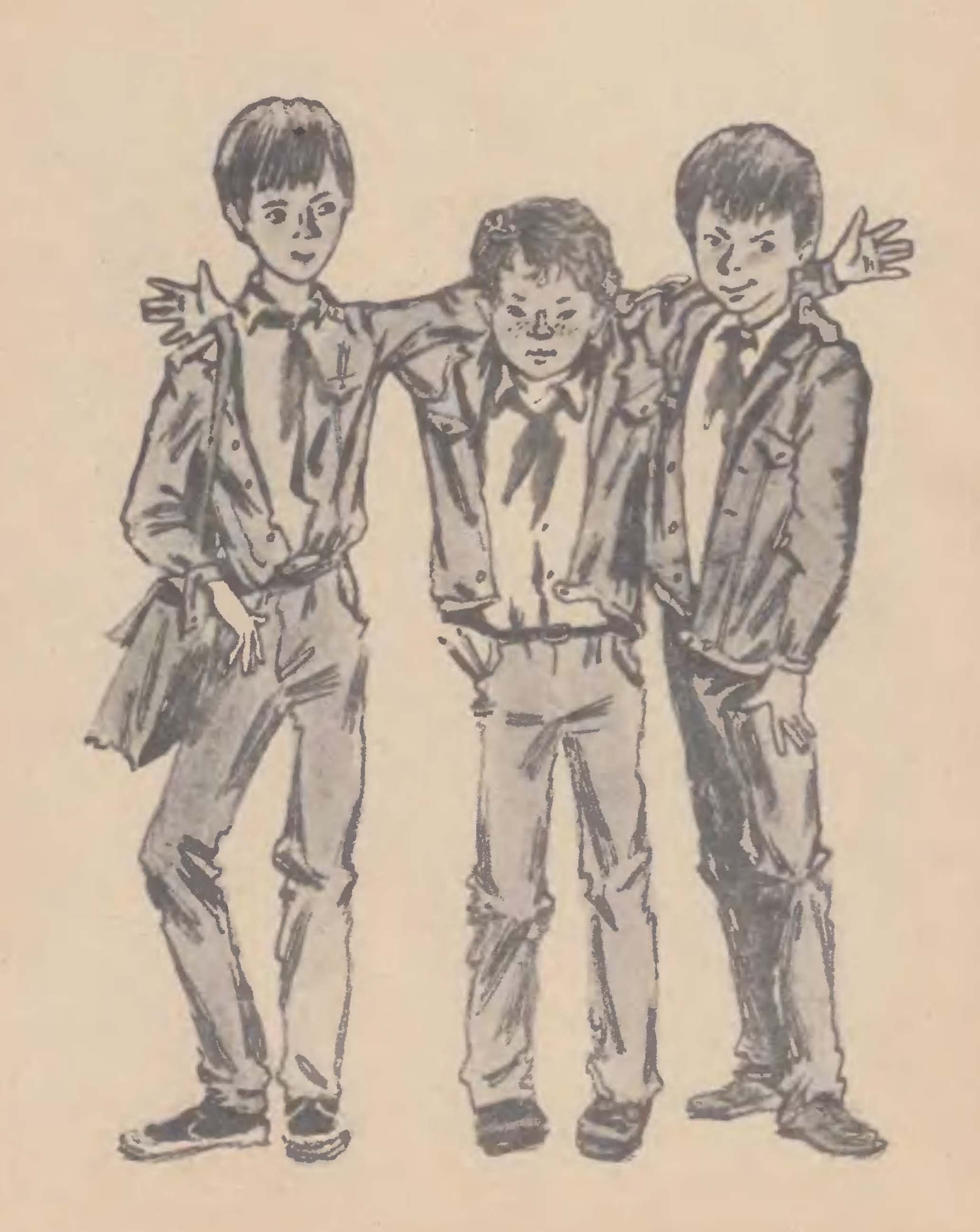
Илья Дворкин

КОСТЁР В СОСНОВОМ БОРУ

РИСУНКИ Е. МАРШАКОВОЙ

Илья Дворкин

КОСТЕР В СОСНОВОМ БОРУ

ПОВЕСТЬ

Ленинград
«Детская литература»
1982

Р 2
Д 24

Александр Грин сказал: беззащитно сердце человеческое, а защищённое, оно лишено света и мало в нём горячих углей. Не хватит даже, чтобы согреть руки.

Незащищённое сердце — горячее, ясное и сильное. Оно освещает собою каждое дело, поступок. А если это писатель, то отсвет его сердца — на всём, что он пишет, в каждой строчке, обращённой к людям.

Горячим, ясным, добрым Человеческим сердцем освещена эта повесть, и каждый персонаж в ней, и каждое слово.

Какой живой и тёплый свет идёт от такого сердца!

Д $\frac{4803010102-159}{М101(03)-82}$ 185—82

1. Разговоры с папой и мамой

Митька размышлял.

Он размышлял о том, какие всё-таки странные люди эти взрослые. Ну папа, про него особый разговор, он вообще странный, даже взрослые про это говорят, даже мама. Он с самого детства Митьку приучил ко всяким своим розыгрышам и каверзным вопросам. На него непривычно как-то обижаться.

Но мама тоже хороша.

На днях стала заставлять Митьку мыть уши и пугает.

— Вот гляди, — говорит, — не пустят санитары в класс, будет тебе позор на целых три дня. С грязными ушами ты не октябрёнок, а поросёнок.

А того-то не знает, что теперь во втором классе санитаров нету.

Вообще-то они есть, конечно, только называются по-другому, это третья звёздочка, называются они «Айболиты». Митька и говорит:

— У нас, — говорит, — теперь санитаров нету, они теперь звёздочка «Айболитов».

— Ну ты-то у меня наверняка в звёздочке «Бармалеев», — говорит мама и смеётся.

Потом видит, Митька плечом дёрнул, перестала смеяться.

— Ты, Тяша, на меня не обижайся,—говорит,—ты мне толком расскажи, что это за звёздочки такие, впервые слышу.

— Ну, понимаешь, мы же октябрята, должны делать всякие дела, ну эти — хорошие, мы соревнуемся — у кого пятёрок больше и этих самых дел. У нас шесть звёздочек, в каждой пять человек. Сколько всего будет? — задал Митька каверзный вопрос.

Мама задумалась. Мама у Митьки «гуманитарий с языком». А проще сказать, она английский язык изучала и теперь переводит книжки. Не в том смысле переводит, что портит, а в том, что английские книжки по-русски пересказывает.

И потому с таблицей умножения у неё неважно. Мама говорит, что у всех гуманитариев неважно.

Но одно мама (и, наверное, все гуманитарии на свете) знает твёрдо: пятью пять — двадцать пять.

— Погоди, погоди, — говорит мама, — значит, так: пятью пять — двадцать пять, а пятью шесть — это двадцать пять и ещё пятёрка — значит, тридцать. Тоже мне задачка! Я такие задачки, как орехи!

Мама сказала это очень гордо, но потом опечалилась, покачала головой:

— Многовато вас всё-таки! Как только с вами, обормотами, Таисия Петровна справляется — ума не приложу! Святая женщина! Мученица.

А Митька ей:

— Так у нас же теперь звёздочки! Теперь ведь с нами в десять раз проще! Почти никаких мучений, почти одна радость!

— Почему это вдруг? — спрашивает мама.

— А потому, что мы сами теперь с собой за дисциплину боремся целыми днями.

— Ну и как? Получается? — спрашивает мама.

— Вообще-то... вообще-то, если правду сказать, пока не очень... Но, я думаю, получится когда-нибудь!

— Я вижу, как у тебя получается, сама вчера в дневнике подписывалась под красивыми словами: «Безобразно вёл себя на уроке. Ударил соседа по голове учебником „Родная речь“».

— Так я ж потому и ударил, — кричит Митька, — что боремся за дисциплину! Мы боремся не покладая рук, а этот Филиппов болтает на уроке!

Мама засмеялась.

— Тяша, ты мой Тяша, чудак ты человек! Ну ладно, забудем. Ты-то сам в какой звёздочке?

— Мы «Светлячки».

— А что вы должны делать?

— Светить!

— Кому? — удивляется мама.

— Всем!!!

— Как фонарики, да?

— Опять смеёшься, — обижается Митька, — это же в переносном смысле, помогать, значит, всем, светить в общем.

— Ну, свети, родной, свети! Это хорошо, когда тебе кто-нибудь светит...

Мама задумчиво улыбнулась и отошла.

А Митьке так захотелось кому-нибудь, сейчас же вот, немедленно посветить, что он пошёл и вымыл свою чайную чашку...

2. Собрание

Назавтра в Митькином классе было собрание. И там такое сказали, что у всех невольно пораскрывались рты.

Вот что там сказали. Пионервожатая, самая главная, сказала. Там и учительница была, Таисия Петровна, но говорила больше пионервожатая, очень много чего говорила, Митька даже устал слушать и принялся разглядывать свою любимую стенку. Он её всегда разглядывал, когда уставал слушать. Чудная была стенка! Вся в таких замысловатых трещинках, в таких линиях — одним глазом посмотришь: бодает коза какого-то пятнистого зверя с пятью ногами — вроде бы длинномордую собаку, вроде бы не собаку, а крокодил стоит на хвосте и его бодает коза. Другим глазом поглядишь: а там стоит на голове учительница ритмики Серафима Борисовна и в руках держит ёжика. До того здорово — век бы рассматривал Митька эту чудную стенку.

Сегодня
обрание уча
Задан
§ 13,1
Упр N 2

Но вдруг до него долетела одна фраза главной пионервожатой:

— ...и пойдёте вы в поход без единого родителя.

Митька напрягся и вспомнил начало фразы.

— Пять звёздочек, кроме занявшей последнее место по итогам соревнования, пойдут в конце учебного года в настоящий лес, одни, совсем одни, только со мной и с Таисией Петровной. И пойдёте вы в поход без единого родителя. Совершенно самостоятельно. И будем жечь костры. И будем ночевать в палатках. И без единого родителя. И песни петь станем!

У Митьки, конечно, сразу же ушки на макушке.

— Не может быть, — говорит Мишка Хитров, рыжий, как огонь.

— Почему? — удивляется пионервожатая.

— Потому что так не бывает! — убеждённо говорит Мишка.

— Не бывает, а теперь будет!

— Не может такого быть! — заявляет Мишка и садится.

— А ты что хочешь сказать, мальчик? Ты выйти хочешь? — спрашивает старшая вожатая у Митьки.

— Нет! — обиженно говорит Митька. — Просто я согласен с предыдущим человеком Мишкой про то, что не может быть.

— Ребята, — говорит Таисия Петровна, — вы не сомневайтесь. Всё может быть. А в поход мы пойдём обязательно. Двадцать пять человек пойдут, а пять не пойдут. По итогам соревнования. Так что вы старайтесь. Чтоб итоги были замечательные.

— Но ведь жалко, — говорит Вика Дробот.

— Кого? — спрашивает Таисия Петровна.

— Ну этих... которые не пойдут. Все пойдут, а они не пойдут.

— Таковы условия соревнования, — говорит пионервожатая и разводит руками, — пусть стараются.

— Так ведь старайся не старайся, всё равно пятеро-то не пойдут, — упрямо говорит Вика.

И тут вскочил противный ябеда Лисогонов. И вообще уж какую-то ерунду сказал.

— А пускай, — говорит, — эта Вика в одну косичку заплетается!

— Это ещё почему? — удивляется Таисия Петровна.

— А потому, что она передо мной сидит и мне так больше невозможно бороться за успеваемость. Я хочу в поход, а с её двумя косичками — не ручаюсь за себя и за свои итоги!

Митька от возмущения даже встал из-за парты, кулаками погрозил.

— Видал, — говорит, — схлопочешь!

— Дмитрий, сядь, — говорит Таисия Петровна. — Чем же тебе, Гошенька, помешали Викины косички?

Митька даже ногами заёрзал. Гошенька! Убить такого Гошеньку мало из реактивной пушки!

— А потому! — говорит Лисогонов. — Ничего не видно из-за её косичек: слева бант, справа бант, а посредине человеческая голова! Хоть беги из класса!

— А это он потому, что она ему списывать не даёт, — говорит Нинка Королёва.

— А ты и бегать-то не умеешь, — говорит Мишка Хитров.

— Получишь! — кричит Митька.

А противный Лисогонов — будто и не слышит — демонстративно ковыряет мизинцем в левом ухе.

Такой тут крик начался — жуть!

— Тихо! Тихо! — кричит Таисия Петровна. — Так-то вы светите товарищу, Миша, Митя, Вика и Нина! А ещё «Светлячки» называются!

— Мы ему сперва засветим. Ябеда, — тихо шепчет Митька, — жалко, Лёшка болеет, а то б ещё веселее было.

— Вот что, — говорит Таисия Петровна, — раз некоторым ребятам мешают две косички с большими бантами, предлагаю, чтоб девочки заплетали волосы в одну.

На этом собрание закончилось.

3. Аперхук

Домой Митька пришёл с поцарапанным носом, но такой гордый, что сперва и рассказывать ничего не стал, только сопел да выпячивал грудь. И в зеркало на себя поглядывал искоса.

После не выдержал.

Всё рассказал.

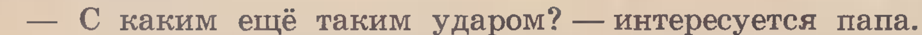
— Ну, лес — это мы ещё посмотрим, — говорит мама, — выдумки какие — без единого родителя! Таких крошек!

— Надавал тебе, я гляжу, твой дружок Лисогонов, — говорит папа, — ишь, чуть нос напрочь не оторвал.

— Что-о-о?! — кричит Митька. — Мне?! Лисогонов?! Надавал?!

— Угу, — говорит папа и поглядывает одним хитрым глазом из-за газеты, — прямо-таки даже навтыкал.

— С моим-то ударом?! — кричит Митька.

— С каким ещё таким ударом? — интересуется папа.

— С таким! У меня особый такой уж-ж-жасный удар есть — аперхук называется. Я теперь до того стал опасный человек! Меня теперь все бояться должны.

— Оно и видно, — смеётся папа, — чуть нос не оторвали... Вон, на одной ниточке висит, еле держится.

— А он царапается, как девчонка! У него ногти вперёд загнутые! А у меня аперхук! — Митька уже чуть не плачет.

Папа улыбается.

— Не надо, — говорит ему мама, — ну зачем ты его дразнишь. У человека аперхук появился, а ты сомневаешься. Но вообще-то, — говорит она Митьке и целует его в макушку, — если уж ты теперь такой опасный стал человек, тебе ни за что нельзя драться.

— Почему это? — удивляется Митька. — Совсем наоборот! Теперь-то я ему и покажу!

— Ты меня послушай, — говорит мама, — вот у тебя есть аперхук, а у другого нету, а ты с ним дерёшься. Это всё равно, как если бы у одного человека дубинка в руках, а другой безоружный и в очках, а первый второго дубинкой по голове. Хорошо это?

— Нет. Это нехорошо, — твёрдо отвечает Митька. — Только дубины-то у меня нету!

— А аперхук?!

— Это совсем другое дело!
— Да откуда он у тебя взялся, этот знаменитый аперхук? — спрашивает папа.
— Меня один парень научил. Здоровенный такой верзила — аж из третьего класса.
А папа улыбается.
— Аж из третьего? — переспрашивает.
— Да, — отвечает Митька, — и ничего смешного.
— Ну скажи мне, Тяша, почему ты так невзлюбил этого Лисогонова? Очень милый, по-моему, мальчик, — говорит мама.
— Милый?! — Митька даже подскакивает от возмущения. — Ну знаешь, мама! Милый! Он ехидный, как... как не знаю кто!
— Как ехидна, — подсказывает папа.
— Во-во, — соглашается Митька, — и язык мне показывает. И на Вику наябедничал! И вообще... вообще у него какая-то противная морда лица!
— Не стыдно тебе такие грубые слова говорить — «морда»! — возмущается мама, но Митька видит, что она только притворяется сердитой, а самой смеяться охота.

4. История с фонтанчиком

Ужасная сегодня история произошла с Митькой на большой перемене. И нелепо как-то всё случилось, чуть ли не нечаянно.
Дело было так.
Вика Дробот говорит.
— Пить, — говорит, — охота — жуть... Как в пустыне Каракумы.
А Митька ей:
— А ты была в этой пустыне?
— Нет, — говорит, — не была. Мой двоюродный брат Виталий был.
— Ну и что он рассказывал? — спрашивает Митька с огромным интересом.
— Вот он и говорит: пить, говорит, охота — жуть.
— А верблюды у него были?

ГОВОРИТ УЧКОМ

— Были. Целых пять. Четыре с двумя горбами, а один с одним.

— Ух ты, — говорит Митька, — калека, значит? Шакалы отгрызли?

— Нет, — говорит Вика, — он — дромадер.

— Кто-то?

— Дромадер.

— А это кто?

— Не знаю, — говорит Вика, — так про него Виталий сказал: дромадер, и всё.

— Это его так звали, беднягу, — поясняет Митька, — отгрызли мерзкие шакалы один горб и убежали.

— Жалко, — говорит Вика.

— Ха! Ясное дело! А что ещё твой брат рассказывал?

— Он говорит: пить, говорит, там охота — жуть!

— Слушай, он что, твой брат, насос? — подозрительно говорит Митька. — Чего это ему всё время пить охота?

— И мне охота, — говорит Вика и чуть не плачет.

— Так пойди к фонтанчику и попей! Во, чудачка!

— Да-а! Попе-ей! А если он облива-ается, — говорит Вика и капает продолговатыми слезами.

Этого Митька, конечно, стерпеть не мог. Человек из твоей звёздочки погибает от жажды, как в пустыне Каракумы, погибает рядом с фонтанчиком для питья! Слыханное ли дело?

Ноздри у Митьки воинственно раздулись.

— А ну пошли, — говорит. — Кто обливается?!

— Севка из третьего «б». Ни на кого не обливается, а как меня увидит, так и сразу!

— Пусть только посмеет! — говорит Митька. — Не знаю даже, что я с ним сделаю! Идём, не бойся.

Дальше всё произошло так быстро, что Митька ничего и запомнить не успел. Веером летела вода. Кричал Севка из третьего «б». А потом появилось разгневанное лицо учителя физкультуры Германа Петровича.

— Значит, хулиганишь, Огородников? — зловеще спросил Герман Петрович. — Значит, баню тут устроил? Душ? Ну, будет тебе сейчас самому баня! Ох и будет тебе головомойка!

И повёл Митьку к директору. И что потом было, что было!..

Даже говорить не хочется.

5. Наказание

Мама вернулась из школы мрачнее тучи. С Митькой и разговаривать не пожелала. Митька забился в угол дивана и сделал вид, будто читает книжку. А сам и не думал читать, не до этого ему было. Митьку мучили угрызения совести.

Он то и дело поглядывал из-за книжки на маму и тяжело вздыхал.

— Конечно, — говорит мама, — теперь некоторые будут пыхтеть, как испорченный паровоз. Некоторые хулиганы, про которых вся школа знает, какие они есть.

— Да, я ведь нечаянно, — говорит Митька. — Я же одного только Севку окатить хотел. Чтобы он к Вике не приставал. А струя вывернулась и...

Но мама делала вид, что не слышит Митьки. Такой у неё был вид, будто Митьки вообще в комнате нет, будто он пустое место.

— Да-а, некоторые нашкодят, а потом, чтобы выкрутиться, начинают на своих товарищей наговаривать. Не знала я, что некоторые не только хулиганы, а ещё и ябеды.

— Я не ябеда, — кричит Митька, — я правду говорю!

— Да-а, жидковаты некоторые на расправу, — продолжает своё мама, — небось шкодливы как кошки, а трусливы как зайцы!

— Я не трусливый! — кричит Митька, и в носу его делается вдруг горячо и щекотно, а перед глазами всё дрожит и расплывается.

— Москва слезам не верит, — говорит мама неуверенным голосом.

— И пусть! И пусть! И не собираюсь! — кричит Митька. — Я нечаянно! А Севку я правильно окатил! Мало ещё!

— Правильно? — зловещим голосом спрашивает мама.

— Да! Правильно! Он Вике пить не давал! А ей очень хотелось! Будто она в пустыне Каракумы!

— Ну что ж, — говорит мама, — нераскаявшиеся преступники будут иметь дело с папой!

Вот какая вышла история.

Папа на этот раз не смеялся. И никаких разговоров говорить не стал. Он просто взял и отменил поход в цирк.

А всё из-за Севки, с загнутыми вперёд ушами.

6. Пение

Больше всех остальных уроков Митька любил пение. И вот как раз на этих уроках ему больше всего не везло. Это было до того обидно и непонятно, что и сказать нельзя.

Вот взять Алёшку Реброва, командира Митькиной звёздочки и лучшего Митькиного друга. Тот терпеть не мог пение, и петь не любил, и не умел, а у него за первую четверть пятёрка.

У Алёшки пятёрка, а у Митьки трояк. Никакой справедливости!

Митька с детства любил музыку. Особенно когда хором поют. И не какие-нибудь там «В лесу родилась ёлочка», а настоящие: «Орлёнок», например, или эту, где «сотня юных бойцов из будённовских войск на разведку в поля поскакала», — у Митьки всегда от этой песни мурашки по спине бегают. Да мало ли хороших песен!

Одна только беда, когда Митька начинает петь, все затыкают уши.

Митька так старается, поёт с таким чувством, всю душу вкладывает, и самому ему так нравится собственная песня, так нравится, а вокруг уши затыкают!

— Ох и здоровенный же он, наверное, был, — говорит папа.

— Кто? — спрашивает Митька.

— Медведь. Или даже слон.

— Знаю, знаю, — говорит Митька, — тот, кто мне на ухо наступил. Слыхали уже. Не больно-то остроумно. Не нравится, не слушай.

Митька делает вид, что ему вовсе не обидно, даже улыбается, но на самом деле здорово ему обидно.

Но вообще-то Митька понимал своих слушателей, потому что, если он слышал, как другой кто-нибудь фальшивит, его просто передёргивало.

Вот какое странное дело — слышит человек всё абсолютно правильно, а как сам запоёт, народ разбегается.

Мама часто покупала Митьке пластинки, и он множество песен знал наизусть. Да что там песен — он чуть ли не целые оперы помнил.

Однажды мама купила две долгоиграющие пластинки с записью оперы «Князь Игорь».

Это было в четверг. А в пятницу вечером папа встал, пошатываясь, с кресла, обмотал голову полотенцем, как чалмой, будто он индус, и сказал больным голосом:

— Восемнадцать раз! Нет, девятнадцать! За два вечера девятнадцать раз прослушать арию Кончака! Это может убить лошадь. Владимирского тяжеловоза — наповал!

— Да ты послушай, — говорит Митька, — вот это место. Это князь Игорь поёт, вот это: «...смерть красна, мне не страшна она-а-а!» И ещё это...

— Нет!!! — закричал папа и затопал ногами. — Нет!!! К бабушке!!! На Петроградскую!!!

— Не кричи, пожалуйста, — говорит мама, — мы не в лесу.

— Да! Мы не в лесу! К великому сожалению! — говорит папа. — Мы всего лишь на репетиции в театре оперы и балета! Я с ума сойду!

— А мальчику нравится опера! — говорит мама.

— И бабушке! И бабушке тоже нравится! Бабушка обожает оперу, хор Пятницкого и ансамбль Моисеева! И она так давно не видела внука! Митяша, сынок, ты хочешь навестить бабушку? — спрашивает папа.

— Хочу, — мрачно говорит Митька. — Там на меня не будут топать ногами.

— Да это я нечаянно, — говорит папа и начинает суетливо одеваться, — я сейчас... быстренько... Я тебя на такси...

Митька самую малость обиделся, но очень скоро обиду позабыл, потому что он любил ездить к бабушке. Она-то всегда с удовольствием слушала его пение, никогда не затыкала уши. Правда, петь для неё было тяжело, приходилось кричать во всё горло, потому что бабушка плохо слышала. Она никогда не затыкала уши, она просто выключала слуховой аппарат и улыбалась Митьке и кивала головой.

Утром в субботу папе стало стыдно за то, что он накричал вечером, и папа позвонил Митьке.

— Как дела? — спрашивает. — Поёшь?

— Пою, — говорит Митька.

— Что-то давненько я не слышал оперу «Князь Игорь», — шутит папа, — спел бы мне, Митяй, что ли!

А Митька не понял, что с ним шутят, он обрадовался, растрогался даже.

— Ну вот! А вчера на меня топал, — говорит. — Ладно уж, я не злопамятный человек, слушай.

И спел папе оперу «Князь Игорь». По телефону. На основные арии он затратил один час сорок минут.

Мама потом рассказывала, что к концу оперы папа был голубоватого цвета и весь дрожал.

Но трубку не бросал, потому что после каждой арии Митька спрашивал:

— Ну как? Здорово?

— О-о-о! — отвечал папа.

И вот, можете себе представить, по пению у Митьки был трояк в первой четверти.

А как Митька старался! Громче всех в классе пел.

Если бы он не закрывал от наслаждения и старательности глаза, то, несомненно, заметил бы, что Варвара Савельевна, учительница музыки, всякий раз, поглядев на Митьку, кривится, будто у неё болит коренной зуб.

Митька очень удивился, когда однажды, прервав урок и песню, Варвара Савельевна задумчиво спросила:

— Скажи мне, Огородников, тебе никогда не доводилось слышать рёв сирены океанского буксира?

— Нет, Варвара Савельевна, — честно отвечает Митька, — не доводилось.

— А сирену пожарной машины ты слышал? — спрашивает.

— Да, — обрадованно кричит Митька. — Сирену раз пять слышал. Ох и здорово вопит!

— Нравится? — спрашивает Варвара Савельевна.

— Ещё бы! — говорит Митька.

— Понятно, — говорит Варвара Савельевна.

И закатила Митьке трояк в четверти. И при этом ещё сказала:

— Исключительно за старание.

После этого Алёшка Ребров, командир звёздочки и лучший друг, отозвал расстроенного Митьку в сторонку и сказал:

— Ты хочешь идти в поход или не хочешь идти?

— Ясно, хочу! — говорит Митька.

— И я хочу. И все наши хотят. А ты своим трояком по пению отбрасываешь всю звёздочку назад. Какие же у нас итоги будут, если мы даже по пению трояки получать станем? Ну, я понимаю по русскому ещё или по математике!

— Что же я могу сделать? — говорит Митька. — Я же изо всех сил старался!

— Нет, — говорит Лешка. — Если бы ты изо всех сил старался, она б тебе двойку влепила!

— А сам-то. Молчал бы уж!

— В том-то и дело, — говорит Лёшка. — В этом весь секрет моего успеха.

— Какой такой секрет? — удивляется Митька.

— А такой! Все поют, а я не пою. Я только рот раскрываю. Понял? Представляешь, что было бы, если б мы с тобой вдвоём запели? Это страшно представить!

— Что же мне делать? — спрашивает Митька.

— Чудак-человек! Я ж тебе говорю — пой молча! Только рот раскрывать не забывай.

Теперь уроки пения для Митьки стали настоящей мукой. Оказалось, что это ужасно трудно — петь молча. Все по-

настоящему поют, а ты только рот разевай! Лёшка сказал, что для этого нужна почти нечеловеческая выдержка, и оказался прав.

Только ради того, чтобы в звёздочке были хорошие итоги, Митька терпел эту пытку. В конце второй четверти Варвара Савельевна сказала:

— Вот, дети, перед вами наглядный пример: Дмитрий Огородников. Человек взял себя в руки, постарался и результаты налицо. Ставлю ему четвёрку.

7. Писательская горячка

Митьку выбрали редактором стенгазеты. И жизнь его чудесно преобразилась. Газета называлась «Октябрёнок». Название прекрасное, но во всех вторых классах газеты тоже так назывались, и Митька из-за этого переживал. Но сделать ничего не мог: название было написано на фанерном листе настоящим художником, а пониже были деревянные рамочки, куда вставлялись заметки.

Митька назначил своим заместителем и главным художником Лёшку Реброва, и работа закипела. Пожалуй, это была единственная стенная газета в школе, которая выходила каждый день и состояла исключительно из одних фельетонов. Только одна рубрика под названием «Короткая шутка» оставалась неизменной, потому что Митька сумел выдумать только одну шутку и она ему так нравилась, что ничьих других шуток он принимать не желал.

Шутка была такая:

«Мальчик спросил у папы:

— Знаешь, для чего над витринами магазинов висят полосатые тряпки?

— Не тряпки, а маркизы, — сказал папа.

— Ну, маркизы. Знаешь, для чего они висят?

— Не знаю, — сказал папа.

— Чтобы стёкла не разбивались от солнечного удара, — сказал мальчик».

Митьке эта шутка нравилась потому, что разговор такой был на самом деле. Про солнечный удар Митька выдумал ещё в детском саду, а разговор этот был с папой. Причём

ОКТЯБРЁНОК
Фельетон
Короткая штучки
СТИХИ

тогда Митька и не думал шутить, он говорил всерьёз. Это теперь ему смешно, а тогда смеялся один папа.

А Лисогонов, про которого был написан фельетон под названием «Лихой наездник», где рассказывалось, как Лисогонов оседлал несчастного первоклашку и заставил себя возить, кричал:

— Погоди, погоди! Я на тебя тоже напишу! И шутка твоя дурацкая! У меня таких шуток есть сто штук!

— Вот видите, ребята, какая действенная вещь стенная газета. Печать вообще могучая сила, — говорит Таисия Петровна. — Я уверена, что теперь Гоша не будет обижать первоклассников.

— Погодите, погодите! Я про него тоже напишу! Как его к директору водили! Ага! Его водили, а меня не водили, — кричит Лисогонов, а сам чуть не плачет.

— Пускай пишет, — шепчет Митьке Лёшка Ребров, — мы его так отредактируем, что больше не захочет писать.

Мама жаловалась папе:

— Просто кошмар какой-то! Он не даёт мне работать на моей собственной машинке! Целыми днями стучит, как дятел. Он заболел. Это называется писательский зуд.

— А это очень опасно? — серьёзно спрашивает папа.

— Чрезвычайно! — говорит мама. — Иногда человек не может излечиться всю жизнь.

— Так и стучит всю жизнь?

— Так и стучит! Всю свою сознательную жизнь! — отвечает мама.

— Но есть же, наверное, какое-нибудь лекарство от этой болезни? — спрашивает папа.

— Увы, увы! — говорит мама. — Только здоровый организм может победить эту напасть!

— Какое горе! Какое несчастье! — восклицает папа.

— Ладно, ладно, — говорит Митька, — смейтесь, смейтесь! Печать — это могучая сила! Вот заведу дома стенную газету да пропечатаю вас, тогда узнаете!

— Не губи! — кричит папа.

— А что ты сейчас пишешь? — спрашивает мама. — Над чем работаешь?

— Над циклом стихов работаю.

— О! Это интересно! — говорит мама. — Ты уже на стихи перешёл!

— А большой цикл? — спрашивает папа.

— Пока готово три стиха, но будет больше, — говорит Митька. — Прочитать?

— Конечно! — говорит мама и смотрит на папу.

— А может быть, не надо? — сомневается он.

— Тогда, может быть, мне лучше спеть что-нибудь из «Князя Игоря»? — коварно спрашивает Митька и видит, что папа вздрагивает.

— Нет, нет! Читай скорее свои стихи! — просит папа.

И Митька прочитал им свой первый поэтический цикл. Стихи были такие.

Стихотворение № 1.

Жил да был один непалец.
И жена его — непалка.
Он был маленький, как палец,
А она худа, как палка.

Стихотворение № 2.

Жил да был один китаец.
И жена его — китайка.
Он косой был, будто заяц,
А она была лентяйка.

Стихотворение № 3.

Жил да был один индеец.
И жена его — индейка.
Он был страшный проходимец,
А она копила деньги.

— Слушай, гениальные совершенно стихи, — говорит папа, — как это у тебя: «Жил да был один кореец и жена его — корейка...» Здорово!

— Нету у меня про корейца! — возмущается Митька. — Как же ты слушал?!

— Правда нету? Значит, мне показалось. Ты их пусти под четвёртым номером.

— Теперь не могу.

— Почему это?

— Потому что это будет плагиат, воровство, значит. Только не простое, а поэтическое, — говорит Митька.

— Ты слышишь, мать? — говорит папа. — Это не ребёнок, а какой-то вундеркинд. Какие слова знает — «плагиат»! Что же дальше будет?!

— Страшно подумать! — говорит мама. — В таком возрасте, а уже и главный редактор, и фельетонист, а теперь и поэт!

— Опять смеётесь? — подозрительно спрашивает Митька.

— Что ты, Тяша! Ты очень смешные стихи написал, — говорит мама. — Только не обидятся ли на тебя индейцы?

— Так я же не про всех! И вообще это просто для рифмы.

— Хорошенькое дело! — говорит папа. — Значит, если тебе придёт в голову зарифмовать меня с крокодилом, рука у тебя не дрогнет? Смотри, как здорово: Михаил — крокодил.

— Нет. С крокодилом дрогнет. С крокодилом я тебя не буду.

— Ну, спасибо и на этом, — говорит папа. — Теперь я спокоен.

Оказалось, что писательский зуд вылечить всё-таки можно.

Мамина машинка сломалась. У неё отвалилась буква «о».

— Ну вот, — сказала мама. — Теперь придётся писать с московским акцентом — через «а».

Но Митька через «а» писать не захотел. А раз печатать стало нельзя, писательский зуд у него кончился, потому что какой же интерес писать ручкой. Это получается всё равно что уроки делать.

А тут ещё Митьку из редакторов уволили. Переизбрали.

Потому что он никого не хотел печатать в стенной газете, у него и для своих-то фельетонов места не хватало.

Все возмутились и переизбрали.

Редактором назначили Саньку Филиппова.

Он стал всех печатать.

И теперь стенная газета во втором «а» стала выходить нормально, как и в других классах, — раз в месяц, а иногда и в два.

8. Разоблачение

Очень важным показателем в соревнованиях звёздочек был макулатурный показатель.

Это значит — кто больше принесёт бумаги.

За первое место целых десять очков полагалось.

3 СБОР МАКУЛАТУРЫ!

Но на первое место «Светлячки» не рассчитывали.

Первое место прочно занимали «Помогаи». Потому что у «Помогаев» была Танюшка Савельева, а у Танюшки Савельевой папа работал в типографии.

Как только объявят сбор макулатуры, так «Помогаи» всей звёздочкой топают в типографию, берут целую кучу бракованной бумаги, и готово дело — первое место обеспечено.

А у «Светлячков» никаких ресурсов.

У Митьки, Лёшки Реброва, Нины Королёвой, Вики Дробот — только газеты да журналы. А много ли их за месяц накопится дома?! Да ещё и не всякий журнал родители отдадут.

Правда, выручал Мишка Хитров. У него мама продавцом работала в «Гастрономе», он у неё обёрточную бумагу и картонные ящики ненужные выпрашивал.

А так — хоть пропадай.

Однажды ужасный скандал произошёл. Викин папа перерыл огромную кучу бумаги — вся школа собирала, — чтобы найти две какие-то книжки.

Вика их сдала. Она выбрала дома самые старые, самые, по её мнению, ненужные книжки.

Когда её папа узнал про это, он чуть в обморок не упал. Хорошо ещё, что макулатуру не успели увезти со двора.

Что было!

Викин папа набросился на гору бумаги и переворошил её сверху донизу с фантастической быстротой.

Вика плакала. А он кричал:

— Варвары! Дикари! «Житие протопопа Аввакума» — в макулатуру! Первое издание «Сирано де Бержерака» на свалку! Варварка! Дикарка! Погоди, придём домой, я тебе покажу! Я тебе привью уважение к книге!

Митька, и Лёшка, и Нина, и Миша — все помогали искать.

Одна Вика не помогала, она была занята — плакала горючими слезами.

Викин папа нашёл свои книжки и ещё кучу других, как он говорил, чрезвычайно редких и ценных.

Он схватил все эти книжки в охапку и побежал к директору школы, даже про Вику забыл.

Вот что значит сбор макулатуры. Не шуточки.

Митьку и его друзей одно утешало, что на последнем месте были не они, а «Добрые хозяюшки» во главе с главным врагом Лисогоновым. Уж так он орал, так не хотел быть «Доброй хозяюшкой»! Он там один мальчишка, остальные девочки. Пришлось Таисии Петровне вмешаться. И то утихомирился он только тогда, когда его командиром назначили.

И вот «Добрые хозяюшки» эти — на последнем месте по сбору макулатуры.

Лисогонову это до смерти обидно. Его звёздочка на первом месте по успеваемости, там, как нарочно, все самые закоренелые отличники собрались, а макулатура все показатели портит.

И вдруг — трах-тара-рах! Как гром среди ясного неба: «Добрые хозяюшки» на втором месте, а «Светлячки» — на последнем.

Нинка Королёва чуть не расплакалась. Она в этот раз целых восемь килограммов принесла, больше всех в звёздочке.

— Эх вы, — говорит, — а ещё мальчишки! Нам с Викой за вас стыдно.

— Мы за вас краснеем, — говорит Вика.

— Ха-ха! — кричит Лисогонов. — Теперь всегда так будет! Петушиное слово знаю! Пора на первое место перебираться.

— Слыхали? — спрашивает Митька. — Слово какое-то знает.

— Петушиное, — говорит Вика.

— Тут что-то не так. Что-то мне подозрительно это дело, — говорит Мишка Хитров.

А командир Лёшка Ребров ничего не сказал. Он только зубы сцепил крепче и желваки на скулах стал перекатывать.

И вот снова объявили сбор макулатуры. Митька весь дом обегал, но почти в каждой квартире жили мальчишки или девчонки, которым бумага нужна была самим.

И всё-таки худо-бедно, а семь килограммов он собрал.

А Мишка Хитров добыл целых двенадцать.

В общем, «Светлячки» превзошли самих себя.

Лёшка потирал руки и говорил:

— Эх, поглядим-посмотрим, какое у этой «Доброй хозяюшки» Лисогонова лицо станет.

— Оно у него вытянется, — говорит Мишка.

— И позеленеет, — говорит Нина.

— Оно у него станет, как огурец, — говорит Вика.

— Скорее бы наступало завтра! — говорит Митька.

И вот завтра наступило.

Как обычно, дежурные старшеклассники взвешивали бумажные тючки, как обычно, к ним тянулась очередь, а родители норовили сдать без очереди — они спешили на работу.

Как всегда, выдавали талончики с цифрами, которые показывали, сколько ты сдал бумаги.

Когда «Светлячки» сложили свои талончики вместе, получилось у них аж сорок два килограмма. До звонка было ещё целых полчаса, и Митька с друзьями стали поджидать Лисогонова.

— Послушаем, что у него за такое петушиное слово, — говорит Митька.

— Ой, мальчики, а вдруг правда? — пугается Нина.

— Ещё чего! Никаких таких слов не бывает, — говорит Мишка.

— А жалко, — говорит Вика.

— Внимание! — кричит Лёшка. — На горизонте появились «Хозяюшки»!

Лисогонов шёл во главе своих отличниц и уже издали было видно, что бумаги у них немного.

Но дальше произошло удивительное дело, которое положило несмываемое пятно позора на голову Лисогонова и отбросило «Добрых хозяюшек» на самое последнее место в соревновании.

Лисогонов не пошёл сразу сдавать свою макулатуру. Он сделал тайный знак остальным «Хозяюшкам» и повёл их под арку и дальше в соседний двор.

— Куда это они направились? — удивлённо спрашивает Лёшка.

— Не знаю, — растерянно отвечает Мишка, — может, у них там тайный склад?

— Ох как интересно! — говорит Вика.

— Не вижу ничего интересного, — говорит Митька. — Пошли, посмотрим, что это они там делают.

— Только осторожно! — говорит Лёшка. — Как охотники.

— Или как разведчики, — говорит Нина.

«Светлячки» осторожно, на цыпочках пробрались в соседний двор и увидели там такую картину, что не поверили своим глазам.

Они смотрели, и справедливый гнев постепенно переполнял их сердца и души.

Потому что Лисогонов делал вот что.

Он развязывал тючки с макулатурой, брал кирпич, целая куча которых валялась рядом с ним, оборачивал его газетой, засовывал в середину пакета и вновь обвязывал пакет верёвкой.

Но мало этого!

После того как кирпичи были уложены, Лисогонов стал по очереди макать тючки в лужу!

— Ай да молодец! — говорит на весь двор Вика.

— Вот так умница! — кричит Нина.

Лисогонов от неожиданности вздрогнул и уронил пакет с кирпичом себе на ногу. Он завопил и хотел, прихрамывая, убежать, но ничего не вышло: Митька с Лёшкой вцепились в него намертво.

— Значит, вот какое у тебя петушиное слово, — говорит Митька, — ты просто нечестный человек, Лисогонов. Первый раз в жизни такого нечестного человека вижу.

— Давайте надаём ему по шее как следует, — предлагает Мишка.

— Трое на одного, да?! Трое на одного?! — вопит Лисогонов и вырывается, а все остальные «Хозяюшки» плачут от стыда, а может быть, от предстоящего позора.

— Нет, Мишка! Мы не будем лупить этого нечестного человека по шее! — говорит командир Лёшка Ребров. — Слишком это для него лёгкое наказание. Эка невидаль — по шее! Мы его накажем презрением! Иди, Гошенька, сдавай свою нечестную макулатуру, иди.

— Ну уж фига с два! — кричит Мишка Хитров. — А ну-ка вынимай свои кирпичи и выбрасывай мокрую бумагу!

— Правильно! — кричит Вика. — А ещё лучше, накажем его и презрением и по шее!

В тот же день в стенной газете появился грозный фельетон Д. Огородникова под названием «Чёрные дела „Добрых хозяюшек“».

Справедливость восторжествовала.

А «Хозяюшки» взбунтовались и прогнали Лисогонова из командиров.

9. Английский язык

Школа, в которой учится Митька, английская. То есть вообще-то она школа как школа, только английский язык начинают преподавать со второго класса, а в старших классах некоторые предметы учителя тоже объясняют на этом языке.

Митьке-то было просто — мама с ним ещё до школы занималась. Вернее даже, не занималась, а просто иногда разговаривала по-английски, а он запоминал. Это было как игра — весело и нетрудно. А вот Лёшке Реброву английский никак не давался, да он ещё и не больно-то старался, не любил он этот предмет, и всё тут.

И потому Митьке поручили ему помогать.

— Смотри, — говорит Митька, — видишь, это «ручка», которой мы пишем. По-английски — э пэн.

— Понятно, — говорит Лёшка, — э пень.

— Какой ещё «пень»! Э пэн, а не «пень»! Неужели трудно?

— Чего уж тут трудного, — говорит Лёшка, — просто у меня воображение страшно сильно развитое. Знаю, что «ручка», а перед глазами поляна в лесу, а на ней здоровенный пень и вокруг него опята и муравьи по нему ползают. Язык сам и выговаривает про пень.

— Здорово, — говорит Митька с уважением, — у тебя воображение развито. Я так не могу. Я только тогда пень вижу, когда говорю «пень», а когда «э пэн», — ручку.

— Ничего, ты не расстраивайся, ты его развивай.

— Воображение?

— Ага! Ты воображай побольше, — советует Лёшка. — Человеческим возможностям практически нету никаких пределов.

— Ну да, скажешь! Попробуй вот подними этот шкаф. Есть у тебя такая возможность?

— Нету, — спокойно говорит Лёшка. — Но если я всю жизнь стану поднимать шкафы, то будет.

Митька вдруг захохотал.

— Ты чего хохочешь? — обижается Лёшка.

— Да я представил, как ты всю жизнь только и делаешь, что шкафы поднимаешь. Поешь — и за шкаф, поспишь — и снова за него.

— Чудак, — говорит Лёшка, — это ж я только для примера про шкаф. Человек что угодно может сделать, если крепко захочет. Так мой батя говорит.

— Это хорошо бы! — Митька на минуту задумывается, потом спохватывается. — Ну ладно, давай дальше, а то мы ничего не успели.

— Давай, — нехотя говорит Лёшка, и на лице его появляется такое скорбное выражение: давай, чего уж там! Начнём.

— Читай здесь, — говорит Митька и тычет пальцем в строчку.

— Здесь? Это просто: ТХЕ ТАБЛЕ!

— Что, что-о-о?! — Митька изумлённо вытаращивается. — ТХЕ ТАБЛЕ?! А здесь что написано?

— Здесь? Погоди-ка... Здесь: ВЕРУ, ВЕРУ МУХ!

— Ну знаешь! — взрывается Митька. — Ты что это, смеёшься надо мной?! Веру, веру мух! Это надо же! Вэри, вэри мач! Очень, очень хорошо — по-английски. И не тхе табле, а зе тэйбл! Стол, значит. Как тебе, Лёшка, не стыдно? Ты же ничегошеньки не учил! Будет тебе наверняка пара.

— Подумаешь! Когда мы вырастем, никаких языков не надо будет знать.

— Почему это? — удивляется Митька.

— А потому! У каждого человека будет такой крохотный коробочек. Электронный. Ты мне говоришь хоть по-турецки, а я коробочек к уху, а он мне по-русски всё, что ты сказал. Я про это в одной книжке читал. Коробочек этот называется: электронный переводчик.

— Не знаю, что там будет, когда мы вырастем, — кричит Митька, — а в поход мы из-за тебя не пойдём! Ещё называется командир! У балбеса Лисогонова и то четвёрка! А у нас из-за тебя никаких итогов не получится!

Today is mon
Thise is a room
The room is
There are two

— Ах так!! — кричит Лёшка. — Из-за меня!!! Это мы ещё посмотрим! Человеческим возможностям практически никаких пределов нету! — кричит. — Я этот твой дурацкий английский — во! Пух от него полетит! Сам! И никакой мне помощи не надо!

В общем [redacted] тот день чуть-чуть не поссорились закадычные друзья.

Ужасно Лёшка расстроился. И Митька рассердился.

Но потом они остыли [redacted] перестали сердиться.

А на английский Лёшка налёг с таким остервенением, что трудный этот предмет поколебался немножко и сдался перед Лёшкой Ребровым. Лишнее доказательство, что человек чего угодно может добиться, если крепко пожелает.

10. День рождения

Странно всё-таки получается...

В первом классе Митька и не думал дружить с Мишкой Хитровым, с Ниной Королёвой и тем более с Викой Дробот.

Он только с Лёшкой Ребровым сразу подружился, потому что на Лёшку как поглядишь, так сразу понятно: парень он замечательный. Молчаливый такой, суровый и верный человек. Лёшка маленького роста, но упругий и плотный, как теннисный мячик. И что-то есть в нём такое, из-за чего любой самый отпетый драчун и задира десять раз задумывается, прежде чем пристать.

Может быть, это из-за Лёшкиных глаз: они у него серые, очень спокойные, даже какие-то холодноватые. Особенно когда Лёшка сердится.

Вот Митька вечно [redacted] разные истории попадает. То нос ему поцарапают, то шишку набьют, он бы и рад иной раз не ввязываться, но это никак невозможно.

А рядом с Лёшкой целый клубок тел может кататься на перемене, целая куча мала, [redacted] ему хоть бы что, будто его это [redacted] не касается.

Лёшка никого не боится.

Митька тоже не боится, но ему приходится это доказывать, а Лёшке не приходится, все и так верят. Большая разница.

Мишка Хитров — тот иногда просто бешеным бывает. Если его обидят, да если ещё ни за что ни про что, тогда держись!

Он будет до тех пор бросаться на обидчика, пока тот не убежит, — одно от Мишки спасение.

Нина Королёва девчонка спокойная, не стрекотуха, не визгуха, но всё время кажется, будто она не рядом с вами, а где-то далеко-далеко. Чему-то улыбается сама себе, о чём-то мечтает.

Спросишь её о чём-нибудь, она не сразу расслышит, рассеянно переспросит, будто возвращаясь издалека.

Митьку это очень сперва раздражало.

А Вика — та совсем другая. Она похожа на шуструю белку — прыгает всё время, бегает, во всё вмешивается, всё знает. Ей и с мальчишкой подраться — пара пустяков.

Когда её Митька дёрнул однажды за косичку, она не задумываясь так его портфелем по голове стукнула, что в ушах звенело.

Одно только плохо — поплакать любит. И что удивительно, плачет обычно безо всякой причины, просто так. Когда причина есть, когда её кто-нибудь обидит, тогда не плачет, а просто так — плачет.

Вот какие разные люди собрались во второй звёздочке «Светлячков». И неизвестно ещё, как бы пошли дела в звёздочке, как скоро сдружились бы все эти разные люди, если б не одно происшествие.

Дело было вот как.

В ноябре Вике исполнилось девять лет, и она пригласила всю свою звёздочку на день рождения.

Кроме них в гости пришли две девочки, с которыми Вика ещё в детском саду дружила, и мальчишка из соседней квартиры.

Такой прилизанный воображала.

А уж хвастун — слушать тошно. Он и на скрипке играет, и в бассейне занимается, и гантели по утрам поднимает, и отличник он, и то и сё.

Говорит Вике.

— Я, — говорит, — удивительной силы и отваги человек. Я иногда сам себе поражаюсь. Я, — говорит, — с моими качествами, наверное, стану охотником на диких зверей в дебрях Африки. На львов, наверное.

— На мышей и лягушек, — говорит ему Мишка Хитров.

50

— Фи, как глупо! — говорит мальчишка. — Я с грубиянами, и тем более с рыжими, не разговариваю.

— Что ты сказал, — кричит Мишка, — а ну-ка повтори?!

И рыжие его глаза загораются рыжим огнём.

— Не надо, мальчики! — говорит Вика. — У меня день рождения, а вы...

— Пусть скажет спасибо твоему дню рождения, — говорит Мишка, — я б ему сейчас показал рыжего грубияна.

— И вам не страшно? — удивляется мальчишка. — Вы меня не боитесь?

— Ещё чего! — говорит Мишка.

— Странно, — пожимает мальчишка плечами, — очень, очень странно! Я ведь и гантелями, и в бассейне...

И он отошёл в сторонку. Сел, задумался и только иногда головой качает — удивляется.

Вика живёт с папой. Мама её уже год в заграничной командировке.

А папа — театральный художник, высоченный такой, в круглых очках и очень весёлый. Только это потом уже понимаешь, что он весёлый, а сперва кажется жутко сердитым. У них странная квартира, двухэтажная. На второй этаж ведёт винтовая лестница, там у Викиного папы мастерская, там он рисует.

И вот только все ребята собрались, показывается на этой лестнице Викин папа да как закричит басом.

— Ага! — кричит. — Собралась орда татаро-монгольская! — Протягивает руку и откуда-то достаёт диковинное ружьё — с таким раструбом-воронкой на конце, как на старинных картинках. — Вот я вас сейчас из мушкета! — кричит. — Кто из вас «Три мушкетёра» читал?

Оказалось, один Лёшка читал.

— Эх вы, варвары, — говорит Викин папа. — Да я в ваши годы наизусть знал эту великую книгу! Или нет... не в ваши... чуть позже. Ну да ладно, чего скуксились? Вот вам, держите мушкет, развлекайтесь.

Потом он спустился вниз, и стало очень весело.

А вначале было, как всегда на днях рождения бывает, — все стеснялись, мялись, не знали, что делать.

Викин папа взял здоровенный лист фанеры и мгновенно нарисовал всех присутствующих. Да как смешно и похоже, что просто удивительно.

А Викин папа уже борьбу затеял. Прямо на полу, на толстом пушистом ковре.

Эх, куча мала!

Хохот, визг! Викин папа ворочался, как медведь, под мальчишками и девчонками и рычал страшным рыком.

Никого из родителей больше не было — полная свобода!

А когда передохнули — начался пир.

Пили лимонад и квас из старинных глиняных и оловянных кружек и закусывали пирожками с капустой. Все надели разные диковинные шляпы с перьями, Лёшка натянул громадные сапоги с отворотами, которые были почти с него ростом.

Всё было хорошо, пока Мишка Хитров не полез разглядывать старинный пистолет, висевший на стенке. Он стал ногами на батарею парового отопления, ухватился рукой за трубу-стояк и потянулся к этому длинноствольному пистолету.

Видно, батарея эта держалась очень непрочно, видно, у неё резьба, которой она к стояку укреплялась, совсем проржавела, потому что неожиданно она хрустнула, Мишка заорал благим матом, зашипела струя горячей воды, и вся комната окуталась паром.

Тонкая струя хлестала под напором и упиралась в стеллаж с книгами.

После того как Мишка заорал, прошло несколько секунд. Все растерялись и молча таращились на это безобразие.

Вдруг Викин папа вскрикнул, замахал руками и бросился к стеллажу.

— Книги, — кричит, — книги!

Он закрыл собою книги, и теперь струя упиралась ему в живот.

— Горячо, — кричит Викин папа, — уф горячо! Варварство! А ещё двадцатый век! Горячо!

Мальчишки и девчонки перепугались, заметались совершенно бессмысленно.

А Викин папа пританцовывает на месте и кричит.

— Не слабо! — кричит. — Уф, горячо!

Первым пришёл в себя Лёшка Ребров.

Он вдруг схватил большущую ковровую подушку, пригнулся и бросился с подушкой на струю.

Как на амбразуру дота, на пулемётную очередь.

Он прижал подушку к трубе, навалился на неё, и струя исчезла — вода просто стала литься на пол.

Лёшка сразу стал мокрый и закричал:

— Уф горячо! Вёдра тащите, — кричит, — тазы, кастрюли. Всё сюда тащите, а то будет потоп.

А пол уже здорово залило водой. Девчонки принесли из ванной два эмалированных таза, и они очень быстро наполнились.

Мишка Хитров и мальчишка-сосед их выносили и выливали прямо в ванну.

Митька схватил вторую подушку и тоже прижал рядом с Лёшкиной.

А девчонки стали гонять воду по полу тряпками.

Викин папа судорожно крутил диск телефона, громко кричал про всемирный потоп и вызывал аварийную команду.

Все были мокрющие с ног до головы, но никакой паники не наблюдалось.

Наоборот!

Все были очень серьёзные, сосредоточенные и отважные люди.

— Тряпки нужно выжимать в ведро, — кричит Мишка, — иначе вниз на соседей потечёт!

— Ведра нету! — кричит Вика.

— У нас есть! — кричит мальчишка. — Я сейчас! Мигом приволоку!

И вовсе он уже не прилизанный, а нормальный. Совершенно свой, хороший парень.

Он побежал за ведром, а потом была очень неприятная сцена. Даже писать не хочется.

Мальчишка через минуту вернулся с ведром, но за ним гналась его мама.

Она была очень большая, очень сердитая и очень атласная. В том смысле, что на ней был атласный халат, расписанный огромными розами.

— Безобразие! — кричала мама. — Ребёнок весь мокрый! Что здесь творится?! Что происходит?!

— Вы не волнуйтесь. У нас потоп! — говорит Викин папа. — Труба лопнула! Пустяковое дело!

— Немедленно домой! — кричит мама. — Николенька, ты слышишь? Или ты хочешь заболеть пневмонией, а может, и чем похуже!

— Никуда не пойду! — кричит Николенька. — Я здесь нужен! Я помогать должен!

— Нет, пойдёшь!

— Ни за что!

— Ах так! — кричит мама. — Посмотрим! И это называется днём рождения! Обливать детей! Это хулиганство!

Она схватила Николеньку за руку и поволокла к двери. Он упирался изо всех сил, но куда там! Такая здоровенная женщина! Ей бы в цирке работать с тяжестями. Она легко тащила сына и вдруг... Вдруг он заплакал.

На секунду мама заколебалась, но потом потащила его ещё энергичнее.

— Ничего, ничего, — говорит, — успокоишься! Хулиганство! До слёз довели ребёнка!

Хлопнула дверь, и всем стало так неловко, так стало плохо, до того жалко Николеньку, Кольку, хоть реви.

И тут Вика как заплачет!

— Зачем? Ну зачем она так! Он же живой! Живой человек! Живой же, — твердит, — а она его, как тряпочного.

И папа Викин растерялся, лицо у него сделалось несчастное, он голову опустил.

— Глупость какая, — бормочет, — какая-то глупость получилась, а не праздник. Проклятая труба!

Но тут он был не прав, даром что папа и взрослый совсем человек. Праздник получился что надо.

После этого дня рождения только и начали дружить по-настоящему Митька, Лёшка, Нина, Мишка и Вика — звёздочка «Светлячки». Если б только не эта история с Николенькой...

Но ребята поручили Вике в ближайшие же дни пригласить его в садик, что возле школы. Шайбу погонять, сыграть в прятки или ещё чего сделать.

Через полчаса приехали ремонтники. Отключили отопление, всё починили и уехали. А мальчишек и девчонок похвалили, что не растерялись.

А Викин папа собрал всех ребят в кучу, всем внимательно посмотрел в лица и сказал задумчиво:

— А не такие уж вы варвары, — говорит, — вы ничего себе орда, подходящая. Выросли-то как! Будто грибы под тёплым дождичком.

И непонятно было, говорит он про горячую воду или в переносном смысле.

11. Доброе дело

— Слушайте! — говорит на переменке Нина Королёва. — Никаких у нас нету добрых дел. Даже обидно. Я больше без добрых дел не могу.

— И я тоже! — говорит Вика. — Мы с Ниной больше не согласны без добрых дел!

— А где же их взять? — спрашивает Лёшка.

— Ты командир, ты и придумывай, — говорит Нина.

— Да! — говорит Вика. — Вы мальчишки, вы и соображайте.

— Соображать никому не вредно, — ворчит Мишка.

— А может быть, засчитать себе тот случай с батареей? — спрашивает Митька. — Довольно доброе дело. Спасли нижних соседей от потопа.

— Тоже мне — доброе дело, — фыркает Нина, — это просто дело, а не доброе. Мы с аварией боролись.

— Всё равно что с разъярённой стихией, — говорит Вика.

— Я вчера шляпу догнал, — неуверенно говорит Мишка, — с одного очень толстого человека шляпу ветром сорвало, и она прямо по улице — колесом. По улице Маяковского. Очень толстому человеку ни за что бы её не догнать, если б не я.

— Нет. Это не годится, — решительно говорит Нина.

— А я три дня назад помогал маме книжную полку пылесосить, — говорит Митька.

— Ты бы ещё засчитал себе позавчерашнее обувание ботинок, — усмехается Вика.

— А я брата каждый день в детский сад отвожу, — говорит Лёшка.

— И это не годится. И ещё я сама видела, как ты ему шалабанов по макушке нащёлкал, — говорит Нина.

— Так ведь за дело! — кричит Лёшка. — Он мои домашние тапочки к полу приклеил! Клеем БФ. Еле отодрал.

— Всё равно маленьких нельзя бить.

— Ну, тогда я не знаю, — говорит Лёшка. — Просто не могу своего ума приложить! Давайте все вместе думать.

— Давайте, — говорят все.

И все стали думать. И оказалось, что придумать настоящее Доброе Дело очень непростая штука.

12. Про прадеда

Когда надоедало играть [redacted] пятнашки, и [redacted] прятки, и шайбу гонять, и мяч, и [redacted] бадминтон, ребята говорили Митьке:

— А теперь расскажи нам про деда.

Вообще-то Митьке он прадед, это Митькиному отцу он дед. Он так его и называет — дед. И очень его любит.

И Митька так называет. И тоже очень любит, потому что дед замечательный [redacted] удивительный человек. Пожалуй, ни у кого во всей школе такого деда нету.

Он живёт на берегу Чёрного моря, в красивом городе Сухуми. Это уже кое-что значит.

Но только это маленький пустяк по сравнению со всем остальным.

Дед такой огромный, сильный и весёлый — даже не верится, что он уже совсем старый человек. Ему целых семьдесят пять лет! Представить даже трудно!

Дед умеет делать всё на свете!

Митькин папа говорит, что дед всему его научил: и плавать, и грести, [redacted] под парусом ходить, и доски строгать, и забивать гвозди, и шашлык настоящий жарить, и... даже трудно всё перечислить.

Он и Митьку многому успел научить, да только Митька редко его видит — один месяц [redacted] году.

Митькин дед музыкант. Он играет на самой большой трубе [redacted] оркестре, называется — геликон.

Она такая громадная, что Митька, когда был маленький, [redacted] неё забирался весь целиком. Дед говорит, что и папа Митькин тоже забирался, хоть теперь в это и очень трудно поверить. Вообще как-то трудно поверить, что взрослые тоже были маленькие, особенно если они твои родители.

А [redacted] молодости дед был матросом и побывал на всех морях и океанах, какие только есть на свете.

Сначала Митьке это удивительно было: дед, который живёт на берегу моря, купается редко, да и то только по вечерам, а потом, когда подрос и поумнел, он понял.

Дело [redacted] том, что дед от шеи и до пяток сплошь покрыт замысловатой, разноцветной татуировкой. Чего только на нём не нарисовано! Просто ходячий музей изобразительного искусства! Тут и пальмы, и обезьяны, и корабли, и кит с фонтаном, и кочегары уголь бросают, и орёл жен-

щину несёт, и множество всякого другого.

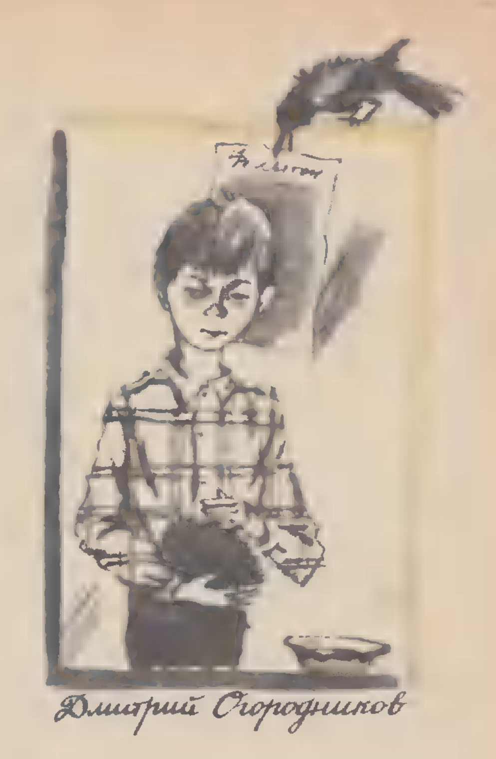
Его так разрисовали в тёплых морях, на острове Таити.

Там живут самые знаменитые мастера по этому делу. Прямо на берегу острой морской раковиной по живому телу. Бр-р-р! Дед ужасно стесняется своей татуировки.

Стоит ему раздеться на пляже, народ так и сбегается.

Поэтому он на пляж не ходит.

— Совсем я был глупый дурак, — говорит дед, — просто беспросветная темнота! И за глупость всю жизнь мучаюсь. И стыдно мне, и смешно. Да только ничего уж не поделаешь.

— Митька, а ты расскажи, какой дед сильный, — просили ребята.

— Очень сильный, — говорил Митька.

...Когда ему было семь лет, произошёл такой случай. Митька с другими мальчишками гонял на набережной мяч. А дед в это время неподалёку, у лодочной пристани, что в устье мутной речки Бесследки, играл в домино, в «морского козла». Митька ударил по мячу и нечаянно попал в какого-то парня. Парень был высоченный, весь жутко расфуфыренный — в голубом костюме, красной рубашке и в жёлтых ботинках. Мячик его чуть-чуть задел, а парень рассвирепел, погнался за Митькой да ка-ак даст ему пинка ногой. Так, что Митька полетел кувырком прямо в самшитовый куст. Митька, естественно, в рёв.

Тут проходит дед.

— Ты зачем же мальчонку этак, ногой? — спрашивает. — Такой здоровый мужик? И не стыдно?

— Катись, катись, старикан, — отвечает парень нахальным голосом, — а то во мне бурлит ещё злость. А в гневе я страшен.

— Вот ты, оказывается, какой невоспитанный человек, — печально говорит дед. — Бурлит, значит, говоришь? Ну пойдём, охладишься.

И берёт парня за отвороты пиджака, легко поднимает и несёт к речке. Парень дрыгает ногами, вырывается, да не тут-то было! Дед подносит его к парапету и в речку — бултых! Вместе с голубым костюмом, красной рубашкой и жёлтыми ботинками.

А потом оборачивается к Митьке и ласково говорит:

— Иди, внучек, играй дальше.

— Слышишь, Митька, а расскажи, какой дед храбрый, — просили ребята.

— Очень храбрый, — говорил Митька.

...У деда есть Георгиевский крест за давнишнюю войну с немцами и орден Красной Звезды за войну с фашистами. И ещё всякие медали: «За отвагу», «За оборону Севастополя», «За оборону Одессы», «За оборону Кавказа». Он все эти места оборонял.

Когда Митька просит рассказать про войну, дед хмурится.

— Ну её в баню, ту войну проклятущую. Ничего в ней интересного нету. На войне страшно, там людей убивают до смерти, там грязь, кровь и мучения.

— Значит, ты на войне боялся? — спрашивает Митька.

— А как же! — говорит дед. — Ещё как боялся. Ты, внук, не верь, если кто говорит или пишет, что на войне не боялся. Все боятся. Только один боится и в бой идёт, а другой боится и от боя улепётывает, спасает свой родной организм. В этом и разница.

Но Митька-то знает, что дед бесстрашный человек.

Когда во время шторма перевернуло шлюпку с двумя мальчишками, никто не решился выйти из устья спокойной речки, где лодки стоят, в бурное море.

А дед решился.

И спас мальчишек.

У самого уже берега его лодку тоже перевернули волны, но он выбрался и мальчишек вытащил. Так и вынес их, держа под мышками.

Это всё на глазах у Митьки было. И ещё у множества любопытных людей. Митька потом спросил у деда:

— А ты боялся там, в море?

— А как же! — говорит дед.— Конечно, боялся. Только тогда мне некогда было. Я побоялся немножко, а потом про это забыл.

Вот тогда-то Митька и разобрался кое в чём. Он понял, что смелый человек не боится говорить про свой страх.

Это, наверное, только трусишки, да хвастуны, да дураки кричат на всех перекрёстках про свою бесстрашность и неслыханную отвагу.

— Митька, а Митька, расскажи, какой дед добрый, — просили ребята.

— Добрый, — соглашался Митька, — это все знают.

...У деда в доме живут три собаки: волкодав Чако, дворняжка Братец и белоснежный шпиц Тенор; шесть котов, которых дед называет одним именем — Мурзик; ёжик Ежка и ворон Кирюша.

Всех, кроме Чако, который был куплен для охоты, дед подобрал ранеными или беспризорными.

Братца топить хотели, ворону Кирюше какой-то горе-охотник крыло прострелил, Ежке какие-то паршивцы иглы подстригли, и была бы ему скорая погибель, если бы не дед. А шпиц Тенор потерялся, видно хозяин на пароходе уплыл. Тенор несколько дней сидел на самом конце пристани и выл тенором. И никого не подпускал, рычал и бросался. Все решили, что он бешеный и его надо застрелить. А дед не дал. Он с Тенором сразу как-то подружился, все даже удивились.

Бабушка всякий раз ворчит, когда дед приносит очередного найдёныша, но не очень сильно, привыкла. А дед только улыбается молча. Самое забавное — глядеть на весь этот зверинец, когда дед разговаривает со своими воспитанниками. Он усядется в саду на табуретку, а они стоят перед ним полукругом и слушают. Вообще-то звери живут между собой удивительно мирно, но иногда случаются ссоры.

И зачинщиками бывают, как правило, двое: Кирюша и Братец.

— Эх вы, — говорит дед, — вовсе вы бессовестный народ! Невоспитанные вы хулиганские разбойники! Ну что мне с вами делать! Уйти от вас насовсем? Уйду, пожалуй, от вас к другим, хорошим зверухам.

Когда дед начинает стыдить зверей, такие у них становятся печальные, понурые морды, что без смеха и глядеть невозможно.

А как услышат, что дед уйти от них хочет, сразу — кто выть, кто лаять, кто мяукать, кто каркать — прощения просят.

— Ладно уж, — говорит дед, — остаюсь, если даёте слово исправить ваше плохое поведение.

А этим летом у деда появился новый житель. И какой! Медвежонок! Пушистый, ростом с валенок, медвежонок Потап. Это Митька его увидел здоровым, весёлым и пушистым. А дед принёс его полумёртвого. Думал, и не выживет. Но у Потапа оказалось медвежье здоровье, выкарабкался.

Дед его в горах подобрал, на охоте. Медведицу, мать Потапа, видно, застрелили охотники, а медвежонок остался сиротой.

Когда дед его увидел, медвежонка рвали собаки. Они б его давно прикончили — огромные, свирепые пастушьи псы, но Потап забрался в колючие кусты и оттуда лапой, лапой по носам, по носам.

Когда дед его вытащил из куста, то еле отбился от собак. Они набросились на него, прокусили ногу в двух местах, изорвали штаны и ватник.

Если б не Чако, неизвестно, чем бы всё это кончилось.

Но у Чако разговор короткий. Он ростом с телёнка, а зубищи, как у крокодила, — он ими волку хребет перекусывает.

Медвежонок был весь в крови и почти не дышал уже. Целый месяц отлёживался. Дед его поил из соски молоком с мёдом. Когда Митька приехал, Потап был развесёлым, хитрющим и таким забавным зверёнышем, что в него сразу же все влюбились. И папа, и мама. А Митька — тот не отходил от него, даже спали вместе, в обнимку. Потапу прощались все выходки с людьми и зверьми, он был самым маленьким и чувствовал, хитрюга, что все его обожают.

То туфлю утащит и так её отделает острыми зубами, что приходится выкидывать. То в буфет заберётся

в поисках варенья, тарелки переколотит. То подберётся к спящему Тенору или Братцу да как наподдаст лапой! А она у него тяжёлая, медвежья, даром что маленький.

Дашь ему ириску, он, дуралей, в неё вцепится и склеит себе пасть — не раскрыть. Бежит к Кирюше, скулит, жалуется. Тот ему своим крепким костяным клювом принимается выковыривать коварную ириску и ворчит по-своему, по-вороньи. А Потап, нахал маленький, вместо благодарности тут же выдерет пару перьев из роскошного Кирюшкиного хвоста.

Но деда Потап слушался беспрекословно. И если дед его ругал, у медвежонка даже слёзы текли, так он расстраивался.

Вот какой у Митьки дед.

— Митька, а расскажи, какой дед умный, — просили ребята.

— Дед очень умный, — говорил Митька, — я вам потом много ещё чего расскажу. А теперь хватит, я устал.

13. Снова доброе дело

— Придумал, — кричит Лёшка, — придумал!

— Что придумал? — спрашивают у него.

— Как что?! Дело! Думаю, доброе.

— Выкладывай, — говорит Мишка.

— Ну-ка, ну-ка, — говорят Нина и Вика.

— Послушаем, — говорит Митька.

— Дело такое: видали, как тётя Поля, нянечка, мучается, в целых шести классах полы моет?

— Видали, — говорят.

— Так что ж, мы безрукие? Сами за собой вымыть не можем? Сами намусорим, натопчем, свинюшник разведём, а тётя Поля убирает.

— Что ж, мы одни? — говорит Мишка. — Весь класс мусорит, а мы за ними убирай.

— За Лисогонова, значит, убирать прикажешь? — возмущается Митька.

— Да, да, за весь класс! Да, и за Лисогонова тоже! Дело не в том, за кого, а в том, кому помогаем, — говорит Лёшка, — а потом другая звёздочка, а после третья, четвёртая. Это вроде как бы почин. Мы вроде бы, значит, починатели.

— Зачинатели, — поправляет Вика.

— Пускай зачинатели.

— А как они узнают, что мы мыли? — спрашивает Нина.

— Как это как? — удивляется Лёшка. — Сами скажем. Бросим клич!

— Эх ты! — говорит Нина. — Ничего ты не понимаешь! Какое же это доброе дело, если про него на всех углах трезвонить. Мы всё сделаем и никому не скажем!

— Здорово! — говорит Митька. — Правильно. Так ещё и лучше. Пусть она нас украсит.

— Кто?

— Наша скромность.

— Пусть, — согласились все и поглядели друг на друга с нескрываемым уважением.

Правда, Мишка Хитров немного сомневался.

— Подумаешь, — говорит, — великое дело — полы вымыть. Вот если бы придумать что-нибудь такое, чтобы ого-го! Чтобы — во! Чтобы, знаете, ах!

— Вот и придумай, — обиделся Лёшка, — что ж ты не придумываешь?

Но Мишка зря беспокоился. Уже минут через пятнадцать после того как они взяли у растроганной тёти Поли швабры, тряпки и вёдра с тёплой водой и приступили к мытью, он понял, что беспокоился абсолютно зря.

Может, это было и не совсем «ого-го!» и «ах!», но и пустяковым делом мытьё полов никак не назовёшь.

Парты двигать — раз! За горячей водой в котельную бегать — два! А этаж-то четвёртый! А воды-то уходит прорва! Выносить грязную воду — три!

Но, конечно, тяжелее всего было само мытьё.

Ребята даже представить себе не могли, сколько мусору скапливается в классе.

— Это надо же умудриться так насвинячить, — ворчал Мишка, гоняя тряпкой, намотанной на швабру, лужу.

— Будто нарочно! Никогда бы не подумал! — удивляется Митька.

— Варвары! Троглодиты! Самоеды! — ругалась Вика папиными словами.

— Теперь если увижу, кто мусорит, не знаю, что с ним сделаю, — грозился Лёшка.

— А ты под своей партой погляди, — сказала Нина.

— Да-а, все мы, оказывается, хороши!

На том и порешили.

А труднее всего было загнать воду назад в вёдра.

Тут уж швабра не помогала! И на коленки не станешь — мокро. А поясница уже через пять минут начинает трещать, просто немеет вся от напряжения.

И мыть пришлось не один раз, а три. После первого раза только грязь размазали. Вот каким непростым делом оказалось простое дело — мытьё полов.

Но до чего же приятно было сидеть потом на учительском столе, болтать ногами, вдыхать свежий запах только что вымытого пола и любоваться делом рук своих!

А на следующий день, перед началом второго урока Таисия Петровна сказала:

— От имени всего класса я хочу поблагодарить звёздочку «Светлячков» за то, что все мы сидим в чистом, опрятном классе. «Светлячки», ребята, вчера сделали доброе дело, помогли тёте Поле и позаботились о всех нас — убрали класс и даже вымыли полы. Предлагаю поставить им в таблицу соревнования десять очков.

— Кто наболтал?! — сердито шепчет Лёшка.

— Подумаешь, делов-то, пол вымыть! — говорит Лисогонов и бросает демонстративно смятую промокашку на пол.

— А ну подними! — тихо говорит Мишка и встаёт.

— Подними, хуже будет, — говорит Вика.

— Помни про аперхук, — шепчет Митька.

— Тихо, ребята. Гоша, конечно, пошутил. Ты пошутил, Гоша?

— Пошутил, — мрачно говорит Лисогонов и поднимает промокашку. — Я пошутил, а они не понимают моего чувства юмора. Даже смешно!

— Вот и хорошо, — говорит Таисия Петровна, — пошутили и хватит. Приступим к уроку.

С тех пор второй «а» убирает класс самостоятельно.

14. Варенье

Папа и мама ушли в гости. Папиному сослуживцу Бородулину стукнуло пятьдесят. Мама надела любимое серое платье, папа долго вывязывал галстук.

А Митьке было скучно и завидно.

Наконец папа укротил непокорный галстук, а мама оторвалась от зеркала.

— Чего это ты куксишься, — говорит папа, — завидуешь чёрной завистью? Нас-то небось не повёл на Викин день рождения!

— Была нужда — завидовать, — говорит Митька, а сам всё равно завидует. — А здорово его стукнуло?

— Кого? — удивляется папа.

— Бородулина вашего.

— А-а! Ты слышишь, мать, какой у нас острякюморист объявился?

— Слышу. Ему бы для Аркадия Райкина писать.

— Ладно уж, идите, веселитесь, — мрачно говорит Митька.

— И пойдём, — говорят папа и мама.

Они ушли. Митька послонялся без дела по квартире, попытался читать, но книжка попалась уже читанная, да и читать чего-то не хотелось.

Покрутил приёмник. Передавали что-то о коровах.

Скукота.

Тогда он пошёл в ванную и напустил в ванну немного воды.

Он туда фикус поставил. Это был тропический остров Таити.

К нему плыли корабли — мыльницы.

И тут вдруг зазвонил звонок.

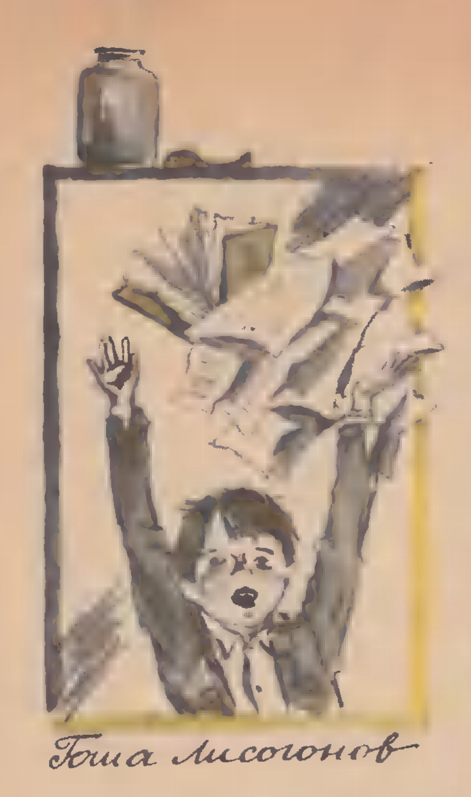
Он трезвонил без перерыва. Пока Митька шёл из ванной, пока открывал, он всё звонил, не переставая.

Митька отворил дверь... и никого не увидел. А в звонке торчала спичка.

— Это ещё что? — говорит Митька и растерянно озирается по сторонам. — Хулиганство какое!

Вдруг сверху послышалось хихиканье. Митька поднял голову и увидел... кого бы вы думали? Гошку Лисогонова, своего главного врага!

— Ты?! — спрашивает Митька.
— Ага, я. Испугался?
— Ещё чего! Почему я должен пугаться?
— Да, не испугался! А кто оглядывался с испуганным выражением лица? Кто слова бормотал? — спрашивает ехидно Лисогонов.
— Ничего я не с испуганным, а просто так. Ты зачем пришёл?
— А так, — отвечает Лисогонов. — Я к тебе в гости пришёл. Скучно.
Митька, конечно, здорово удивился, но виду не подал.
— Заходи, — говорит. — Мне тоже скучно.
— А ты что, один дома?
— Ага. Папа и мама в гости пошли к Бородулину. Его стукнуло.
— Как это — стукнуло? — удивляется Лисогонов.
— Да я шучу. Просто у него день рождения. Папа говорит: стукнуло пятьдесят. Вот я и шучу по этому поводу.
— А-а, понятно, — говорит Лисогонов. — А что мы делать будем? Чем заниматься?
— Наверное, надо тебя угостить чем-нибудь, раз ты гость.
— Это правильно, надо угостить, — говорит Лисогонов. — Это ты хорошо придумал.
— А чем? — спрашивает Митька.
— Откуда же я знаю? Ты хозяин, ты и знай.
— Может быть, котлетами?
— Ещё чего! — возмущается Лисогонов. — Кто же это гостей котлетами угощает?! Котлеты сами едят. А шоколад у тебя есть?
— Нету.
— А конфеты?
— И конфет нету. Сегодня две последние «Белочки» съел.
— Эх ты! Что же это ты? Мои любимые конфеты! А варенье есть?
— Есть! Варенье есть! Целая трёхлитровая банка есть, — кричит Митька обрадованным голосом.
— Ну ладно уж, тащи варенье, — соглашается Лисогонов.
И Митька принёс варенье. Они его столовыми ложками ели.

Гоша Лисогонов

Красота!

Ешь себе сколько влезет. Никто не мешает. Никаких тебе блюдечек, никаких розеточек.

Лисогонов ел так умело, так ловко зачёрпывал, что завидно было глядеть. Зато Митька чаще лазал в банку.

— Как твоё здоровье, Гоша? — осторожно спрашивает вдруг Митька.

Лисогонов тут поперхнулся и подозрительно уставился на Митьку.

— Хорошее, — говорит. — А зачем ты вдруг спрашиваешь?

— Да это я так. Для поддержания разговора.

— А-а, для поддержания! Тогда понятно. Хорошее здоровье. Только иногда болит голова, колено, почки и ещё здесь.

Лисогонов неопределённо ткнул себя в грудь, значительно покачал головой и участливо поглядел на Митьку.

— А твоё как? — спрашивает.

Митька стал лихорадочно вспоминать, на что жаловалась его тётка Мария Григорьевна, когда приходила в гости.

— Моё тоже хорошее, — отвечает, — только ужасно мучает сердце, печень и ещё этот, как его... мочевой пузырь.

Лисогонов снова важно покивал, и они стали есть варенье дальше.

Минут через пятнадцать Лисогонов вдруг остановился и сделался красный как кирпич.

— Какое-то оно липкое, — говорит и икает.

— Потому что сладкое. Ты, Гошка, ешь его, оно малиновое.

Они ещё минут десять вяло шевелили ложками. Варенье в них больше не помещалось. Не лезло, и всё тут!

Лисогонов лизнул свою руку.

— У меня рука сладкая, — говорит.

— Испачкал, наверное, — отвечает Митька.

— Нет. Я весь сладкий. Насквозь. Руки, ноги, всё.

У меня ботинки и те сладкие, к полу прилипают. Мне ходить трудно.

Митька лизнул одну руку, другую. Руки были сладкие, как варенье. Он испугался, но Лисогонову не сказал. Он побежал на кухню и куснул солёный огурец. Огурец был сладкий. Вот тут-то Митька по-настоящему перепугался.

Что же это такое делается? Значит, теперь всё будет сладкое? Ни горького, ни солёного, ни кислого — одно сладкое? Ужас какой!

Он вбежал в комнату. Лисогонов стоял пошатываясь и икал. А глаза у него были сонные и какие-то мутные.

— У меня огурец сладкий, — кричит Митька. — Пошли в ванную, помоемся, рот пополощем.

— Ага, — говорит Гошка. — Что я говорил? Насквозь! Обкормил меня своим паршивым вареньем!

— Зачем же ты его ел?

— Зачем, зачем! Как же не есть, если угощают. И теперь я сладкий на всю жизнь! Зачем только в гости к тебе пришёл!

Фикус плавал в ванной на боку, а вода всё лилась и лилась тугим жгутиком. Митька закрутил кран. Лисоногов в очередной раз икнул и плюнул в воду.

— Ты в ванну не плюй! Она океан, — говорит Митька.

— Океан, океан! Я б тебе показал океан, не будь я гостем! Нарочно обкормил меня.

— Это я бы тебе показал! Жалко, что ты гость!

— А ну покажи!

— И покажу!

Только Митька приготовился пустить в дело свой знаменитый аперхук, как вдруг снова звонок трезвонит. Митька побежал отворять и увидел маму с папой.

— Ты чего это на цепочку закрываешься? — спрашивает мама. — В дом не попасть.

— А вы уже насовсем вернулись?

— Нет, — говорит папа. — Мы подарок забыли. Сейчас уйдём.

— Слушай, папа, — шепчет Митька, — Там у меня в ванной Лисогонов сидит. Мы немножко варенья съели, и теперь мы сладкие.

— Вывозились в варенье?

— Да нет же! Мы насквозь сладкие! Для меня солёный огурец и тот сладкий. И руки у меня сладкие и всё-всё!

Тут вдруг выбежала в прихожую мама с банкой в руках.

— Михаил, — кричит, — какой ужас! Они объелись! Целую трёхлитровую банку варенья почти целиком съели! У них будет заворот кишок!

Папа побежал в ванную и вынес Лисогонова. Гошка свесил голову и икал, не переставая, в очень быстром темпе.

— Я леденец, — бормочет, — нет, я лучше шоколадный. Это он, Митька, леденец.

— Тихо, — говорит папа. — И ты, мать, не плачь. Живы будут эти леденцы. Дай им английской соли побольше. Разведи в тёплой воде. А я сейчас «скорую помощь» вызову.

А Митька подумал, что, видно, очень скверная штука заворот кишок, раз мама плачет и «скорую помощь» вызывают. И наверное, у него уже начинается этот самый заворот, потому что чувство такое, будто в живот булыжник положили. Он сидел на диване рядом с Лисогоновым и старался к нему не прикасаться. Чтоб не слипнуться.

Прибежала мама, принесла две кружки английской соли.

— Пейте немедленно, — говорит, — а то помрёте.

Ого как не хотел помирать Лисогонов! Ого как вцепился в кружку, даже расплескал немножко! Митьке тоже не хотелось умирать, у него ещё всяческих дел на земле было полным-полно. И жалко губить свою молодую жизнь зазря.

Он стал пить большими глотками. И сначала было сладко, потом горьковато, а после так горько, что слёзы из глаз покатились.

Митька тогда впервые понял, как это «плакать горькими слезами».

Затем приехал доктор. Кругленький такой, быстрый.

Он как мячик катался по квартире и смеялся, будто рассыпáл стеклянный горох.

Сказал, что лечат объедал-сладкоежек правильно, и всё удивлялся, разглядывая банку.

— Это надо же! — говорит. — Три литра! Это, товарищи, достижение в планетарном масштабе! Это уметь надо. До чего способные дети пошли!

Взял Лисогонова за руку, пощупал пульс.

— Беги домой, — говорит, — только маму предупреди, что английскую соль пил, чтоб не пугалась.

И всё головой качал.

И Лисогонов пошёл к двери, потом оглянулся и говорит Митьке.

— Ты, — говорит, — Огородников, приходи ко мне в гости. Завтра или лучше послезавтра. Я тебя угощать стану. Солёными грибами. Только английскую соль с собой возьми, не забудь.

15. Кто-то голубя убил

Кто-то голубя убил. Какой-то совсем уж нехороший человек.

— Какой-то негодяй, — говорит Вика Дробот, — какой-то, можно сказать, подлый негодяй!

— Практически негодяйский подлец даже, — говорит Мишка Хитров и стискивает зубы от нахлынувшего на него благородного возмущения.

И надо же было такому случиться именно в этот день!

Закончилась третья четверть, каникулы начались. Второй день весенних каникул, но снег ещё не сошёл и здорово подмораживало — хоть на коньках бегай, хоть на лыжах.

Но почему-то ничего этого делать не хотелось, а хотелось просто так бродить и разговаривать.

Вторая звёздочка в полном составе слонялась по пришкольному саду и не знала, куда приложить свою энергию.

И ещё они были смущены, они испытывали неловкость.

Потому что впервые к ним пришёл в гости Николенька. Тот самый Колька, который сперва был очень противный, а потом, во время потопа, оказался парнем что надо.

Но смущались и испытывали неловкость Вика, Лёшка, Нина, Мишка и Митька не оттого, что пришёл Николенька, а потому, что Колька сам смущался и испытывал эту самую неловкость. Он считал, что на его чести лежит несмываемое пятно. Он считал, что навеки опозорен перед обществом. Он думал, что его считают дезертиром за то, что позволил увести себя, как маленького дошколёнка, во время наводнения.

Так они и бродили, смущённые, все шестеро по саду, а Николенька был мрачен и ходил с опущенной головой.

Наконец Митька не выдержал.

— Ты что, — спрашивает, — считаешь, что на твоей чести лежит несмываемое пятно?

— Да, — говорит Колька-Николенька.

— Значит, ты думаешь, — спрашивает Лёшка, — что навеки опозорен перед обществом?

— Думаю, — печально отвечает Колька.

— И что ты дезертир? — обращается к нему Мишка.

— И что дезертир, — говорит Колька и так низко опускает голову, что всем сразу становится ясно — сейчас заплачет.

— Глупости! — кричит Вика.

— Ты не виноват! Николенька, ты совсем не виноват! — шепчет Нина.

— Не называй меня Николенькой! — кричит Николенька. — Терпеть не могу! Колька я!

— Ты что ж думаешь, Колька, — говорит Лёшка и усмехается гордо и чуточку высокомерно, — ты что думаешь, мы бы пригласили тебя в наше общество, если б ты был дезертир и с пятном?

— Не пригласили бы?! — спрашивает Колька и весь светится.

— Ни в коем случае! — твёрдо говорит Лёшка.

— Ни за что! — подтверждает Мишка, и все остальные кивают головами.

— Значит, я не...? — спрашивает Колька явно уже просто для того, чтобы его поуговаривали.

— Кончим этот разговор, — говорит Митька, — и начнём другой.

— Какой же это другой? — обиженно спрашивает Колька и надувает губы, потому что сидит в нем всё-таки где-то в глубине его старинное зазнайство, не до конца он его поборол.

— А такой! Другой — и всё!

— Ой, ребята, глядите! — вскрикивает вдруг Нина Королёва.

Все обернулись и увидели убитого голубя.

Он лежал на снегу—сизый, с зеленоватым отливом, а рядом валялись крошки.

Вот тогда-то и сказали свои суровые слова Вика и Мишка, те, про которые написано раньше.

Ребята присели вокруг голубя на корточки, разглядывали его и молчали.

— Ох попадись мне этот убийца! — говорит Лёшка.

— Из рогатки он его, видите? Прямо в голову, — говорит Мишка.

— Надо его похоронить. Давайте его закопаем, — предлагает Вика. — А то его кошки съедят.

И тут вдруг рядом с голубем появились две здоровенные ноги, обутые в кеды.

Ребята подняли головы и увидели взрослого совсем парня, чуть ли даже не из седьмого класса — физиономия круглая, щекастая, в веснушках, и улыбается во весь рот.

— Укокошили сизаря? — спрашивает.

— Это не мы, — говорит Нина.

— Ну и правильно! — говорит парень, не слушая никого. — От них один вред. Они гадят и портят памятники нашей старины.

И вдруг как заорёт!

— Пас! — орёт. — Пас! — и как двинет голубя ногой.

И повёл его, как футбольный мяч, только перья полетели.

— Мальчики, что ж он делает, балбес такой большущий?! — шепчет Вика в величайшем изумлении.

— Ты что делаешь? — кричит Митька.

— Пас! — орёт парень. — Пас!

— Стой! — кричит Мишка. — Оставь голубя, дубина!

— Кто это дубина? — спрашивает парень. — Это ты про меня сказал такое оскорбление?

— Про тебя. Дубина ты и есть! — бесстрашно говорит Мишка.

— Ах ты, козявка! — говорит парень, и лицо его делается как свекольный винегрет.

Он бросил голубя, неторопливо подошёл к Мишке и лениво так, будто нехотя, заехал ему в ухо.

Мишка так и покатился.

Вот это футболист сделал зря. Тут он совершил непоправимую ошибку, хоть и вырос ростом с небольшую каланчу. Плохо он знал Мишку и его друзей.

— Тут ты сделал непоправимую ошибку, — говорит Мишка и поднимается, потирая ухо, — плохо ты нас знаешь, дубина!

Мишка опустил голову и неожиданно ка-ак боднёт парня в самую середину его тела!

Парень согнулся напополам и захлопал изумлённо глазами.

А потом!..

Ох и рассвирепел же он!

— Ах так! — орёт. — Ты бодаться?! Ну, козявка, держись!

Он бросился на Мишку, но Лёшка успел подставить ногу, парень споткнулся и чуть не упал.

— И ты хочешь получить? — спросил у Лёшки и швыряет его в снег.

Митька, не раздумывая, прыгнул футболисту на спину, а Колька вцепился в ногу.

И началось!

Что было, что было!

Парень впал в настоящую ярость. Он расшвыривал мальчишек, ругался, вопил, но сделать ничего не мог — отшвырнёт одного, а на нём уже трое висят, вцепившись мёртвой хваткой.

А тут ещё девчонки — Вика и Нина — бегают вокруг и отважно швыряют в противника снежками.

Совсем ему глаза запорошили.

А потом раздался воинственный клич и откуда ни возьмись — Лисогонов.

— Наших бьют! — кричит.

Он бросился на подмогу и тут же полетел головой в сугроб. Этого тоже не следовало делать, потому что мстительный Лисогонов тут же изловчился и укусил парня за левую коленку.

Тот заорал, как зарезанный, и рванулся вперёд, но тут же рухнул всем своим телом на землю. Потому что Митька и Лёшка потянули его за одну ногу, Мишка и Лисогонов — за другую, а Колька изо всех сил толкнул в спину.

Тут любой рухнет.

Впятером оседлали его, парень подёргался, поизвивался немножко и затих.

— Сдаёшься? — спрашивает Лёшка.

— Ещё хочешь? — спрашивает Колька.

— Мало тебе? — кричит Лисогонов.

Но тут парень вдруг захохотал. Лежит и хохочет во всё горло. Мальчишки даже растерялись от удивления.

— Ты чего это хохочешь? — подозрительно спрашивает Митька.

— Ну и молодёжь пошла, — говорит парень, — ну и разбойники с большой дороги!

— Сам-то хорош — голубей пинать ногами, — говорит Мишка.

— Неслыханно, — продолжает парень, — никакого уважения к старшим.

— А кто первый начал? — спрашивает Лёшка.

— Не-ет, — гнёт своё, никого не слушая, парень, — странная молодёжь пошла. В наше время не то было. Мы были не такие.

— Ты не крути нам головы, — кричит Лисогонов, — прямо говори: сдаёшься или не сдаёшься?

— Сдаюсь, сдаюсь, — говорит парень и смеётся, — слазьте с меня. А то расселись, как на диване. Никакого старикам почтения!

— То-то же! — говорит Лисогонов.

— Это у него смех сквозь слёзы, — говорит Митька.

Победители и побеждённый поднялись, стряхнулись и пошли в разные стороны.

Победители — хоронить голубя, а побеждённый переживать своё поражение и размышлять о нравах нынешней молодёжи.

А больше всех повезло Кольке, бывшему Николеньке, — у него был поцарапан нос. И он шёл такой суровый и гордый, будто у него на носу была не царапина, а медаль или даже орден.

16. На лыжах

Ох и денёк же выдался, ох и денёк!

Небо было ярко-синее, будто только что умытое, солнце светило вовсю, и хоть морозец стоял градусов шесть, с крыш капала талая вода и с карнизов домов свисала бахрома длиннющих сосулек. Ясно было, что снег и сосульки доживают свои последние деньки — вот-вот нагрянет запоздавшая весна и превратит остатки зимы в ручьи, ручейки, ручеёчки и просто в капель.

Был выходной день, народ вывалил на улицы погреться на долгожданном солнышке, и чем ближе подходили наши друзья к Финляндскому вокзалу, тем больше встречалось им людей с лыжами на плечах.

Вторая звёздочка плюс Колька, плюс Викин и Митькин папы дружно шагали через Литейный мост.

Настроение у всех было отменное. Солнышко припекало сквозь куртки, лыжи приятно давили на плечи, тяжёлые башмаки топали уверенно и бодро. Счастливый Колька

со своей драгоценной боевой царапиной на носу даже пританцовывал от радости.

Мама ни за что не хотела отпускать его за город.

Викиному папе она не могла доверить своего единственного и обожаемого ребёнка. Это она сказала, когда Викин папа пошёл просить за Кольку.

— Я уже однажды доверила вам своего единственного ребёнка, — ехидно говорит Колькина мать, — и что из этого вышло? Вы чуть не сварили его живьём в кипятке! Он был мокрый с головы до ног и на следующий день чихнул три раза подряд! А теперь вы хотите заморозить его на этих лыжах до смерти. Нет, нет и нет! И ещё раз нет!

— Как знаете, — говорит сердито Викин папа, — только мне Кольку жаль. Он нормальный парень, а вы из него хлюпика делаете.

Викин папа разозлился.

— Всё, — говорит, — и не просите! Я больше с ней разговаривать не стану.

— А как же Колька? — спрашивает Вика.

— Он уже всё приготовил. И лыжи, и ботинки. Как же теперь? Ему же очень худо будет. Мы уйдём, а он останется, — это Мишка говорит.

В общем все навалились на Митькиного папу, и он пошёл выручать Кольку.

Неизвестно уж, что он такое говорил, но через пятнадцать минут дверь Колькиной квартиры отворилась, вышел Митькин папа, а за ним Колькина мама — вся в улыбке и любимом атласном халате.

— Я читала ваши статьи, — говорит, — и вам я доверяю своего Николеньку. Вы человек серьёзный.

Митька не удержался и прыснул в кулак.

— Во даёт! — шепчет. — Серьёзный! Мама говорит, что он самый легкомысленный человек на свете.

— Это, значит, у твоего папы очень лёгкие мысли? — тоже шёпотом спрашивает Мишка.

— Да нет. Вроде бы мысли у него нормального веса. Легкомысленный — это в смысле беспечный и весёлый человек.

— А! — говорит Мишка.

— Ворона-кума! — говорит Митька.

Так при помощи авторитета Митькиного папы Кольку отпустили за город.

СНЕЖИНКА

Когда вошли в широкие двери вокзала, все немножко оторопели, растерялись. Огромный зал был набит битком, и лыжи торчали густо, как лес.

Гомон стоял, смех, крики. Было похоже, будто самые весёлые люди со всего Ленинграда собрались в этом зале и сейчас начнётся замечательный праздник.

А со всех сторон разноцветными потоками всё прибывали и прибывали к вокзалу лыжники.

— В воскресные дни, — говорит Митькин папа, — вокзал напоминает мне громадный насос. Он непрерывно высасывает людей из города и перебрасывает туда, где солнце, снег. Где деревья и пахнет хвоей. Здорово!

— Ага! — говорит Митька. — Он качает, качает, и скоро улицы обмелеют и никого не останется. Только пустые трамваи, автобусы и троллейбусы.

— Ладно, фантазёры, — говорит Викин папа, — вы тут стойте, держась за руки, и не потеряйтесь, а я возьму билеты.

С электричкой здорово повезло — с бою захватили целых две скамейки.

А вокруг стояли в проходах, сидели на рюкзаках, бренчали на гитарах, горланили всякие самодельные песенки, разговаривали, хохотали самые весёлые люди Ленинграда.

— А что, — говорит Лёшка, — хорошо бы нам тоже придумать свою самодельную песенку. Нашу, второй звёздочки!

— Не слабо придумано, — говорит Викин папа.

— Тем более у вас есть собственный, почти что взаправдашний поэт, — отвечает Митькин папа и подмигивает Митьке.

Митька покраснел и погрозил папе кулаком.

— Нечего, нечего увиливать, — говорит Вика, — надо выполнять общественные поручения.

И Митька стал выполнять. Он так погрузился в творческий процесс, что ничего не слышал до самой станции Комарово. Но зато придумал такую песенку:

Мы ребята «Светлячки»,
Трам-тирьям-тирьям!
Мы ещё не старички,
Трам-тирьям-тирьям!
А поэтому вперёд!
Ноги в руки и вперёд!

Отправляемся в поход —
Полный ход!
Через реки и леса,
Трам-тирьям-тирьям!
По горам — под небеса,
Трам-тирьям-тирьям!
Отправляемся в поход,
Ноги в руки и вперёд!
Полетим, как самолёт, —
Полный ход!

Поезд уже подходил к станции назначения, когда Митька отдал на суд слушателей своё свежеиспечённое произведение.

— Гм! — говорит Викин папа. — Не слабо, не слабо.

— Особенно вот эти строчки — трам-тирьям-тирьям, — ехидно замечает Митькин папа. — На грани гениальности.

— Ну и как хотите! Не нравится и не надо!

— Что ты, Митька, замечательная песня! — кричит Нина Королёва.

— Только как это — «ноги в руки»? — спрашивает Мишка.

— Эх ты! — говорит Митька. — Ты серый, как туман. Это такая поэтическая вольность и для юмору. Это, если перевести с поэтического языка на человеческий, значит: быстро!

— Ну если для смеху, тогда ладно, — соглашается Мишка. — А за туман схлопочешь!

Когда вышли на станции Комарово, все невольно зажмурились.

Снег сиял белизной, и ели казались совсем чёрными. А берёзы стояли будто стеклянные: каждая самая малая веточка была покрыта тонкой, прозрачной корочкой льда, ветер их чуть раскачивал, и они вспыхивали разноцветными точками, искрились на солнце.

За зиму глаза привыкли к четырём стенам, к улицам, огороженным домами, а тут вдруг такой простор! Просто дух захватывало.

— То ли ещё будет, — говорит Викин папа, — мы сейчас пойдём на Финский залив, тогда узнаете, что такое простор!

К заливу вели крутые заснеженные улицы.

По ним лихо скатывались люди на лыжах и финских санях.

— Ну уж дудки, — говорит Вика, — ни за что не поеду. Страх какой!

— Ни за какие коврижки, — говорит Викин папа.

— А я поеду! — говорит Нина и надевает лыжи.

— Правильно! — говорит Митькин папа. — Люблю отчаянных! Давай-ка, Ниночка, покажем этим трусишкам, что мы настоящие мужчины!

— И я! И я настоящий! — кричит Колька.

Они стали на лыжи да как ухнут вниз — только снежная пыль столбом. Колька на середине спуска упал, закувыркался, но упрямо встал и снова поехал. Снова упал, опять поехал и доехал.

Митька, Лёшка и Мишка переглянулись. Делать было нечего. Надо было решаться. Иначе позор на всю их дальнейшую жизнь.

Митька не видел, что сталось с Лёшкой и Мишкой. Лыжня стремительно рванулась ему под ноги, и он полетел вниз.

В ушах сразу засвистал ветер, выжал слёзы из глаз, а тело часто-часто затряслось на бугорках и ухабах. Митька присел как можно ниже — его этому учил папа, — палки держал так, чтобы они свободно волочились чуть позади, взбивали концами пушистые облачка снега.

Пару раз он чуть не упал, судорожно взмахнув руками, но удержался и потом долго-долго, почти до самого Приморского шоссе, ехал по ровному месту, по инерции.

И было это так чудесно, что и сказать нельзя.

Потом подошли остальные.

Лёшка и Мишка были в снегу с головы до ног, но гордые, счастливые, победившие собственный страх.

Вика и её папа несли свои лыжи на плечах и ничуть этим не смущались, а потому их и дразнить не было никакой охоты.

Перешли через шоссе и выбрались на залив. Вот тут был простор так простор! До самого горизонта лежало плоское белоснежное пространство, будто расстелили какую-то великанскую простыню. Слева, вдалеке поблёскивал золотом купол Исаакиевского собора и качались в небе дымы заводских труб.

А впереди, далеко-далеко, снег был густо усыпан какими-то чёрными точками. Будто мухи облепили кусок сахару.

— Рыболовы, — говорит Викин папа, — вот туда и отправимся. Поглядим на подлёдный лов. И у меня есть для вас сюрприз.

— Какой! — У всех сразу ушки на макушке.

— А такой. Много будете знать, скоро состаритесь. Придём на место — узнаете.

И пошли. Только снег под лыжами повизгивал. Вот тут Викин папа и показал класс. Он сразу же всех обогнал на своих долгих ногах. В одном месте ветер сдул снег со льда, лыжи сразу же стали разъезжаться на скользкой, будто полированной поверхности.

— Глядите, — кричит Викин папа, — делайте, как я!

Он расстегнул куртку, распахнул её, взяв руками за полы, и куртка превратилась в парус. Все тоже распахнули. Ветер дул с берега. Он упруго толкал в спину, и лыжи сами, всё быстрее и быстрее, покатили вперёд.

Такого Митька ни разу ещё не испытывал — летишь бесшумно и легко как птица. Или как призрак, если они есть, конечно.

Потом снова начался снег с лыжнёй, за снегом опять лёд, и когда Митька глянул вдаль, то рыбаки из чёрных, едва заметных точек превратились в людей, неподвижно сидящих на ящиках и складных брезентовых стульчиках.

Рыболовы сидели неподвижно, нахохлившись, уставясь в круглые лунки, проверченные во льду. Лунок было много, некоторые бесхозные, чуть подёрнутые тонким ледком или запорошённые снегом.

И тут Викин папа преподнёс свой сюрприз.

Из внутреннего кармана куртки он вынул ложку, похожую на решето — всю в дырках. Этой ложкой выгреб из ближайшей лунки мокрый снег, и лунка таинственно зачернела стылой водой. Заглянешь в неё, и мурашки по спине забегают — что-то там делается, в этой тёмной глубине?

Из того же кармана появилась короткая зимняя удочка и спичечный коробок, полный рубиново-красных, извивающихся червячков-мотылей.

Викин папа ловко насадил несколько штук на крючок, и мотыли стремительно скользнули в воду.

Ловись рыбка, большая и маленькая!

Ловили по очереди, но увы... оказалось, что рыбка вовсе не имеет желания попадаться на крючок. Она была или очень хитрая, или очень сытая.

Митька держал удочку и злился. Поплавок неподвижно застыл [redacted] лунке [redacted] не собирался тонуть.

«Небось плавают там и смеются над нами. На одном конце червяк, на другом конце кто? То-то же!»

— Не́ту здесь никакой рыбы. Ни одного самого завалящего ёршика нету, — говорит Митька, — поехали, хватит.

— Эх вы, — говорит Вика, — рыбаки-неумейки. А ну-ка давай сюда удочку, увидишь, как надо ловить!

Все засмеялись, стали над Викой подшучивать. Она и сама шутила.

— Только нацепите кто-нибудь этих червяков, — говорит, — а то я их боюсь.

— Да ты хоть раз [redacted] жизни рыбу ловила? — спрашивает насмешливо Мишка, который считал себя крупным знатоком рыболовства.

— Не ловила, а что? Подумаешь! Дело не [redacted] умении, а [redacted] природном таланте. Глядите, что сейчас будет!

А дальше произошло такое, что все глаза от изумления вытаращили.

Просто поверить трудно, если не видел своими глазами!

Не успела Вика опустить леску с наживкой [redacted] лунку, как поплавок резко дёрнулся и утонул.

— Тащи, — кричат все, — клюёт!

— Кто? — спрашивает Вика. — Где? — И заглядывает с любопытством [redacted] лунку. — Ой, [redacted] куда делся мой поплавок?

— Быстрей! — кричат все. — Подсекай! Уйдёт!

Мишка не выдержал ужасного нервного напряжения, схватил леску и потащил, потащил, потянул, часто перебирая руками.

И вытащил здоровенного, в полторы ладони, окуня.

Окунь был полосатый, крепкотелый и упругий, с алыми плавниками и хвостом. Он подпрыгивал на снегу и сердито разевал широкую жадную пасть.

Все завопили от восторга, каждому хотелось потрогать добычу собственными руками, одна Вика боялась прикоснуться [redacted] окуню.

— Эх ты, — кричит Мишка, — трусиха! Не бойся, он не кусается!

И знаете, что ему ответила Вика? Прямо-таки отрезала с таким гордым, надменным выражением лица.

— У нас, — говорит, — разделение труда: один ловит, [redacted] другие трогают. И ещё болтают глупости.

Мишка тут же и прикусил язык. А что ей скажешь, если потом все по очереди ещё около часа простояли над лункой, замёрзли даже, но больше ничего не поймали?

Вика свою добычу одному постороннему мальчишке подарила, который сам поймал трёх ёршиков, а на окуня глядел жадными глазами, как кот, которого не кормили три дня.

Хороший денёк выдался! Замечательный денёк, превосходный!

17. Воспитанники

В Митькиной квартире довольно давно уже поселился ёж. Вернее, он не сам поселился — его Митька поселил.

Ёжик был серый, остроносый и жутко любопытный — так и совал свой пронырливый нос во все щели, когда думал, что его никто не видит. Если до него дотрагивались, он мгновенно прятал голову, растопыривал иголки и становился похож на кожуру конского каштана, про которую говорят, что она похожа на ежа.

Митька ему построил дом в прихожей из картонной коробки, но ёжик жить там не захотел. Он предпочитал ночевать в папиных ночных туфлях.

— Ой! Ой! — кричит по утрам папа. — Ой!!!

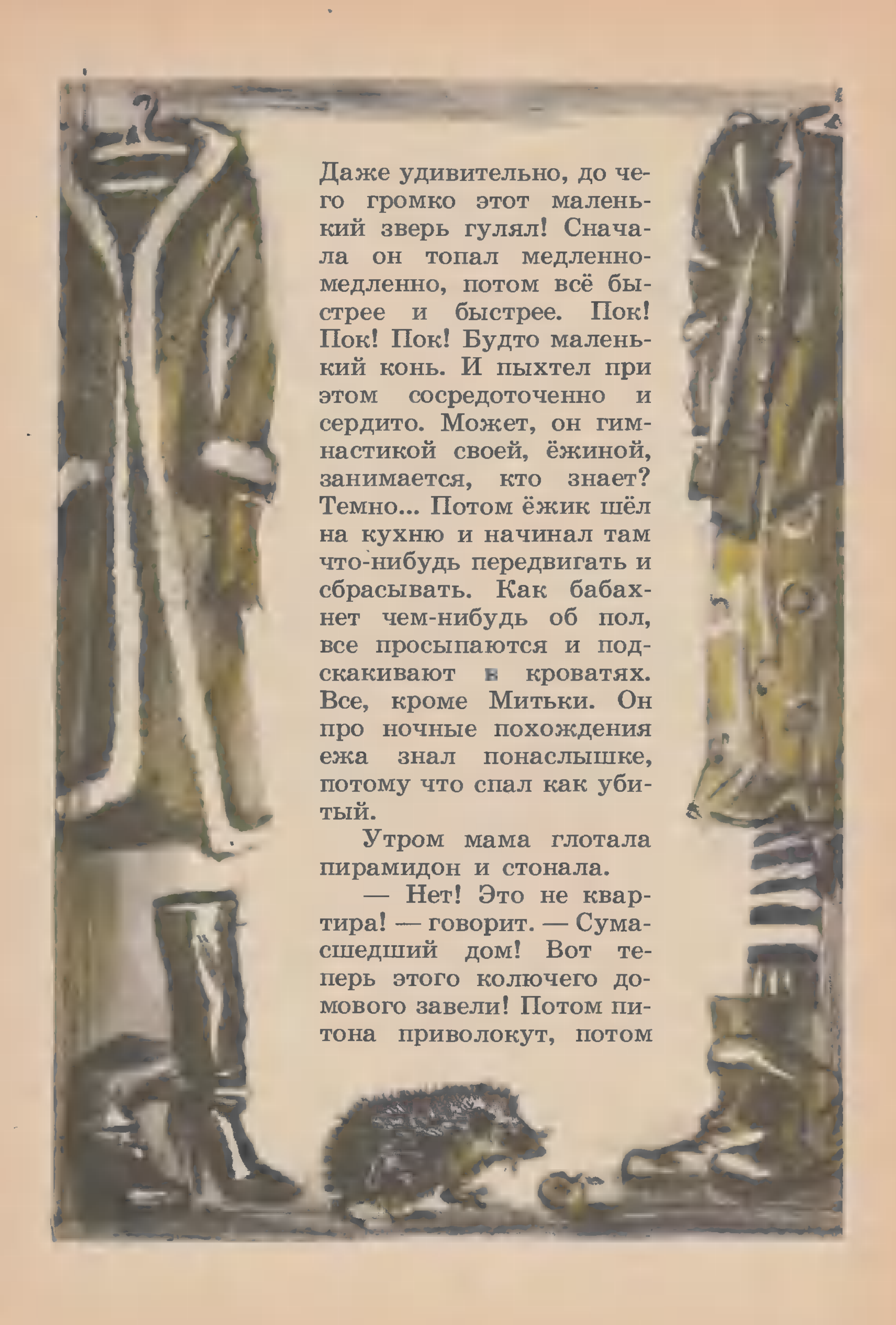
Митька вскакивал с постели и бежал вынимать ежа из туфли.

— Это в конце концов невыносимо! — заявляет в один прекрасный день папа. — Что за вредное животное! Если ты не можешь воспитать из него приличного ежа, я сам буду с ним бороться.

И папа стал бороться. Пока что методами гуманными и человечными. Только ёжик его победил в этой борьбе. Это был удивительно упрямый и целеустремлённый зверь. Папе пришлось ходить дома в старых резиновых тапочках, а новые меховые туфли отдать ежу.

А папа ругал Митьку, будто это не ёж, а Митька спал в его туфлях.

Но это ещё было хорошо, если бы ёжик спал по ночам. Гораздо чаще именно ночью ему приходила охота погулять.

Даже удивительно, до чего громко этот маленький зверь гулял! Сначала он топал медленно-медленно, потом всё быстрее и быстрее. Пок! Пок! Пок! Будто маленький конь. И пыхтел при этом сосредоточенно и сердито. Может, он гимнастикой своей, ёжиной, занимается, кто знает? Темно... Потом ёжик шёл на кухню и начинал там что-нибудь передвигать и сбрасывать. Как бабахнет чем-нибудь об пол, все просыпаются и подскакивают в кроватях. Все, кроме Митьки. Он про ночные похождения ежа знал понаслышке, потому что спал как убитый.

Утром мама глотала пирамидон и стонала.

— Нет! Это не квартира! — говорит. — Сумасшедший дом! Вот теперь этого колючего домового завели! Потом питона приволокут, потом

анаконду, потом саблезубого тигра... Жизни совсем нет, хоть из дому беги!

Все эти разговоры действовали на Митьку очень угнетающе.

И маму жалко. И папу. И ёжика... Хоть разорвись на три неравные части.

Ёжик вырастал в проблему.

И когда Митька узнал про Лёшкины огорчения, он даже обрадовался.

Лёшка пришёл в школу с красными глазами и, если бы это был не Лёшка — человек с железным характером и бесстрашной душой, можно было бы подумать, что он плакал.

Такая мысль промелькнула на миг в Митькиной голове, но он тут же отверг её как совершенно нелепую.

— Ты чего это такой? — спрашивает он у Лёшки.

— Какой это такой?

— А такой — малость пришибленный, печальный такой, — говорит Митька.

— А-а ну её! Приехала на мою голову! — отвечает Лёшка и в сердцах так машет рукой, что учебник математики с грохотом падает с парты.

— Кто приехал? — спрашивает Митька.

— Да бабка Люба же! Бабка моя двоюродная из Мариуполя. Приехала и сразу...

Лёшка так сжал челюсти, что зубы скрипнули. Глаза его покраснели ещё больше, и Митька вдруг ужасно перепугался. Видеть плачущим Лёшку? Нет, это было свыше его сил!

Он схватил своего командира за плечи и начал трясти.

— Ты чего? — кричит. — Ты чего это? Что случилось?

— А то! Она моего Гошу в мусоропровод спустила, — шепчет Лёшка. — «Развели, — говорит, — гадов, ядовитых, с кровати встать боязно!» Будто не знает, что ужи не ядовитые. Гоша спал себе, а она его вместе с коробкой — раз! и спустила.

— Ой ты!.. — говорит Митька. — А Шип как же?

— А Шип в это время гулял. На своё счастье. Только она и Шипа спустит. Я её боюсь. Подстережёт и спустит. Просто не знаю, что и делать! Я сегодня утром две чашки молока в мусоропровод вылил... Гошка ведь, знаешь, как молоко любит. Да только... Как подумаю, что он там

сидит одинокий, в темноте и грязи и ничего не понимает — за что его так, просто хоть самому в тот мусоропровод прыгай.

— Ну дела... — тянет Митька, — ты бы хоть объяснил ей, что ужи полезные и вообще...

— Объяснишь ей... Никого не слушает, только и делает, что шепчет целыми днями и крестится. Выпрашивает чего-то у своего бога.

— Крестится?! — изумляется Митька. — Чего ты её не перевоспитываешь?

— Ха! Ты скажешь! Старая она. Папа говорит, что её уже никак переделать невозможно. Я ей объяснил позавчера, что бога нету, что я это точно знаю, так она меня ка-ак щипанёт! У нас в доме теперь мрачно стало, не смеётся никто... Хоть и нехорошо про свою двоюродную бабку так говорить, только лучше б она поскорее уехала в свой Мариуполь!

Лёшка голову повесил и сосредоточенно ковырял носком ботинка пол.

Никогда ещё Митька не видел своего друга таким растерянным. И он понял, что необходимо сейчас вот, немедленно, что-то придумать.

— Ну вот что, — решительно говорит Митька, — надо спасать Шипа! Мои родители тоже не очень-то довольны Ежкой, папа два раза уже наступал на него босой ногой. Конечно, никуда спускать его они не собираются, но всё равно... Давай их в школу принесём, а? И будет у нас свой живой уголок.

— Я уже про это думал, только не знаю, что Таисия Петровна скажет. Вдруг не позволит?

— Таисия Петровна?! — кричит Митька. — Чего ж она не позволит? Звери, можно сказать, в смертельной опасности, а она не позволит? Никогда не поверю! Давай с ребятами поговорим.

На следующий день Таисия Петровна вошла в класс и оторопела. На её столе стояли три клетки — одна с жёлтым чижом, вторая с рыжей белочкой, третья с двумя хомячками; два аквариума с рыбками и две картонные коробки: круглая из-под шляпы — с ужом Шипом, прямоугольная из-под туфель — с ежом Ежкой. Картонные

коробки были закрыты крышками, а в крышках проделаны дырки для воздуха.

— Что это? — спрашивает Таисия Петровна. — Откуда?

— Это наш живой уголок, — говорит Митька, — вторая звёздочка берёт над ним шефство.

— Это почему же вторая? — кричит Лисогонов. — Ишь какие — вторая! Другие тоже хотят!

— А что ты принёс в живой уголок? — спрашивает Вика.

— А вы мне сказали? Вот возьму съезжу в воскресенье к бабушке в Тосно и козу приведу, тогда узнаете!

— Козу?! — спрашивает Таисия Петровна и опускается на стул, вся очень бледная лицом.

— Подумаешь, козу! — фыркает Нина Королёва. — Мне папа обещал обезьянку из Сингапура привезти. Вот напишу ему, чтоб не маленькую, а гориллу, тогда узнаешь.

— Гориллу?! — шепчет Таисия Петровна.

— Ага, — говорит Мишка Хитров, — а я видел объявление, что продаётся шестимесячный крокодильчик. Вот мы накопим денег и купим — дело решённое, раз вторая звёздочка берётся.

— А я ещё и поросёнка могу! — кричит Лисогонов.

— Крокодилы, гориллы, бегемоты, бизоны, мамонты... — шепчет Таисия Петровна.

— Не, мамонта никак, — объясняет ей Мишка, — мамонты почти все вымерли.

— Мамонта никак? — спрашивает Таисия Петровна. — Ну и на этом спасибо. А где же мы, по-вашему, будем держать весь этот зоосад?

— Как где? Вот здесь! Мы уже всё придумали, — говорит Лёшка.

В углу класса, рядом с доской, была дверца. А за ней — то ли стенной шкаф, то ли маленькая каморка. А там

лежали счёты, указки, мел, акварельные краски и прочие нужные вещи.

— Вот сюда лампочку ввернём, видите — патрон, — говорит Митька, — а эту полку уберём. Сюда поставим клетки, а сюда аквариумы. Здесь будет гнездо для ужа, а для белочки мы колесо сделаем — пусть бегает.

— Колесо? — спрашивает Таисия Петровна. — Да, колесо... Только я должна посоветоваться с директором.

Она ушла, и её не было очень долго. Вернулась она раскрасневшаяся, у неё даже причёска чуть растрепалась.

— Ну вот что, — говорит, — даёте слово, что живой уголок не будет мешать занятиям?

— Даём! — кричат все.

— А даёте слово, что сами будете ухаживать за зверушками, убирать за ними и не отвлекаться на уроках?

— Даём!

— Ну, глядите! Нам даётся испытательный срок. Если сдержите слово, живой уголок останется, а если подведёте меня...

— Не подведём! — кричат. — Ура!

— Козу привезу! — орёт Лисогонов.

— Крокодила! — кричит Мишка Хитров.

— Никаких коз! Никаких крокодилов, — пугается Таисия Петровна. — У нас нет для этого подходящих условий! А всех лесных птиц и зверушек мы возьмём с собой в поход, в лес. И там выпустим на волю. Согласны?

— Ура! Согласны!

— Тогда вот что: эти зверята теперь ваши воспитанники. Ухаживать за ними будут все звёздочки по очереди. Начнут «Светлячки», потому что инициатива принадлежит им, — говорит Таисия Петровна. — А теперь все по местам, начинается урок.

18. Внуки и внучки

Весна вдруг хлынула в город. В парках над влажной землёй поднимался пар, и казалось, что травинки и всяческая прочая зелень прямо на глазах лезли из этой земли поближе к солнышку.

А солнце пекло всерьёз.

С улиц исчезли шубы, меховые шапки, варежки и зарябило в глазах от ярких плащей, платочков, шляп, лысин и причёсок самой разнообразной формы и цвета. Лужи высохли, во дворы пришёл футбол.

— У меня просто ноги чешутся, так поиграть охота, — говорит Митька Нине Королёвой.

— Так нельзя сказать — «ноги чешутся», — говорит Нина.

— Почему это нельзя? Могу я сказать: руки чешутся дать, допустим, Лисогонову по шее?

— Можешь.

— А почему «ноги чешутся» нельзя? — спрашивает Митька.

— Потому что некрасиво! — твёрдо отвечает Нина. — Будто у тебя чесотка.

— Слушай, — изумляется Митька, — ты, по-моему, сумасшедшая! При чём здесь чесотка, если мне охота в футбол сыграть?!

— Ну и играй себе! Только не чешись.

— Ах так! Я тебя серьёзно спрашиваю, а ты смеёшься?!

— Скандал в благородном семействе, — встревает ехидный Лисогонов. — Слышал, слышал, на кого у тебя руки чешутся!

— Так я же сказал «допустим». Я к примеру сказал, — смущается Митька.

— Знаю, знаю, — говорит Лисогонов и делает оскорблённое лицо, — сначала к примеру, а потом не к примеру. Почему-то про Лёшку ты не сказал «допустим». Не-ет, видно, зря я вас всех спас тогда от того дылды, который голубя пинал!

От такого нахальства Митька даже поперхнулся.

— Что-о? — спрашивает. — Ты нас всех спас?

— А то нет! От вас бы пух и перья полетели, как от того голубя, если бы не я!

— Ну знаешь, Гошка, — говорит Нина, — ты просто хвастун!

— Да мы без тебя ещё и лучше бы справились. Только под ногами путался, — кричит Митька.

— Ах так?! Путался, значит, — зловещим шёпотом говорит Лисогонов и даже бледнеет от обиды. — Ну погодите,

Контрольная
работа
I вариант:

погодите! Пусть только на вас кто-нибудь нападёт ещё! Путался, а?!

— Да будет вам! — говорит Лёшка. — Ты это, Митька, зря. Несправедливо.

— А чего ж он хвастает?! — кричит Митька.

Но в это время в класс вошла Таисия Петровна и старшая пионервожатая. Все встали, поздоровались, и спор сам собой прекратился, чему Митька был очень рад, потому что чувствовал себя не очень-то правым.

Лицо у пионервожатой было серьёзным, даже можно сказать торжественным.

— Дорогие ребята, — говорит старшая пионервожатая, — всё ближе и ближе один из самых главных праздников нашей страны. И наступит он ровно через две недели. Какой это праздник?

Ну тут, конечно, весь класс закричал:

— День рождения Владимира Ильича!

— Правильно! — говорит пионервожатая. — Но для вас этот день будет особенно торжественным. Пожалуй, в вашей жизни такого дня ещё не было, потому что двадцать второго апреля большинству из вас повяжут на шею вот такой галстук, цвета алой крови, пролитой за свободу лучшими людьми нашей Родины. Повяжут достойным. Но нам, мне и вашей учительнице Таисии Петровне, очень хочется, чтобы все вы оказались достойными чести стать в ряды юных ленинцев. Я знаю, что вы стараетесь, я вижу этот лист бумаги на стене и на нём итоги соревнования ваших звёздочек. Итоги, прямо скажу, неплохие, мы довольны вашим классом. Вам всё предстоит впервые — первый сбор, первая пионерская линейка, первый пионерский костёр. Но для того чтобы стать настоящим пионером и на призыв «Будьте готовы!» от всего сердца ответить «Всегда готовы!», мало просто хорошо учиться и достойно вести себя. Надо ещё быть политически грамотными людьми. Скоро среди октябрят нашей школы будет проведён конкурс на лучшее знание истории пионерского движения. Готовьтесь к нему, не ударьте лицом в грязь.

— А какие вопросы будут? — спрашивает Вика.

— Вопросов будет много. Ну например, такой: когда день рождения пионерской организации?

— Кто ж этого не знает, — говорит Вика, — девятнадцатого мая тысяча девятьсот двадцать второго года.

— Молодец! А когда ей присвоено имя Ленина?

— В тысяча девятьсот двадцать четвёртом году, — говорит Вика.

— А когда основана газета «Пионерская правда»?

Вика задумалась, подёргала себя за косичку, покраснела так, что капельки пота на носу выступили, и прошептала:

— Я не знаю.

— А кто знает? — спрашивает пионервожатая.

— По-моему, в тысяча девятьсот двадцать шестом году, — говорит Мишка Хитров.

— Нет, не в двадцать шестом, а в двадцать пятом, — тихо говорит крохотная, незаметная девочка Лиза Морохина из лисогоновской звёздочки.

— Съели? — шепчет Лисогонов.

— Просто молодцы! — говорит вожатая. — Буду очень рада, если ваш класс победит в конкурсе.

— А как же! Конечно, победим, — снова встревает Лисогонов, — только я себе другой галстук повяжу, не такой, как у вас.

Тут весь класс просто ошалел от изумления. Тихо-тихо стало. А вожатая так растерялась, что слова вымолвить не могла. Лицо её покрылось красными пятнами, брови нахмурились.

— Что ты сказал? — спрашивает. — Другой галстук повяжешь? Как же это?

— Не такой, — упрямо говорит Лисогонов, — не шёлковый. Я ситцевый повяжу, бабушкин. Первые пионеры шёлковые не носили, они ситцевые носили. Бабушка свой до сих пор хранит. Она мне обещала его передать. Она сказала — это будет как... как эстафета.

— Ну что ж, — улыбается вожатая, — дело в конце концов не в материале. Тогда и вправду ситцевые носили. Время было трудное, не до шелков. А это здорово, что у тебя бабушка из первых пионеров! Она в каком году вступала?

— В двадцать втором. Я же говорю: первая.

— Вот это да! — восклицает вожатая. — А ты не можешь пригласить свою бабушку в школу, на торжественную линейку?

— Отчего ж не могу, — говорит Лисогонов и весь раздувается от важности. — Конечно, могу! Моя она бабушка или чья?

— Ну что ж, — говорит вожатая, — не забудь! До свидания, ребята. Готовьтесь.

И она ушла.

Весь класс Гошку Лисогонова окружил, все его расспрашивают о знаменитой бабушке, а он грудь колесом выгнул, ходит гордый и всё на Митьку поглядывает.

— Ну что, — спрашивает, — чешутся у тебя руки или уже не чешутся?

— Не чешутся, — говорит Митька, — только ты не больно-то задавайся. Ты ведь ещё не твоя бабушка.

— Неважно, — говорит Лисогонов, — я её внук. Такие внуки, как я, на дороге не валяются.

— Ну ладно, уважаемые внуки и внучки, — смеётся Таисия Петровна, — садитесь по местам. Проспрягаем существительное «внук», а потом просклоняем глагол «валяться».

19. В цирке

В воскресенье пошли всем классом в цирк, на утреннее представление. Столько народу было, будто весь город собрался.

А лишние билетики ещё у моста через Фонтанку спрашивали.

Нина, Мишка, Вика и Митька, конечно, сидели рядом. Места у них были замечательные, у самой арены, в третьем ряду.

До чего же всё-таки замечательная штука — цирк!

Гремит музыка, пахнет влажными опилками, сияют прожектора, а ловкие и сильные люди вытворяют на ваших глазах немыслимые совершенно вещи да ещё улыбаются при этом, будто всё, что они делают, совсем не трудно, а просто, весело и интересно. Будто каждый так сможет. Почти целых три часа праздника! Красота!

Белоснежные кони танцевали вальс, кланялись, становились на колени.

И всё это по приказу тоненькой девушки — дрессировщицы с длинным бичом, которым она никого не била, а только хлопала, будто из пистолета стреляла.

Потом акробаты-прыгуны показывали свои фантастические прыжки и воздушная гимнастка вертелась на трапеции под самым куполом.

Жутковатое это зрелище!

Представьте: тревожно рокочет барабан, зрители умолкают, и вдруг артистка срывается вниз головой, цирк дружно ахает, а она уже висит как ни в чём не бывало, зацепившись за перекладину пальцами ног, и улыбается, и шлёт воздушные поцелуи восторженной публике.

Но главным героем представления был, конечно же, клоун.

Чего он только не вытворял!

Передразнивал артистов, потешно падал, с него слетали невероятных размеров башмаки, он запутывался в собственных ногах — никак не мог их пересчитать.

И всё с таким серьёзным, старательным лицом, что зрители просто стонали от хохота.

А у Митьки заболел живот и напала икота.

Клоуну с таким же уморительно серьёзным видом помогал маленький ослик, с серой замшевой мордой и печальными глазами.

Ишачок упирался всеми четырьмя ногами, когда клоун тащил его на арену, брыкался, ходил на задних ногах, громко кричал.

А самый весёлый номер был в конце представления.

Клоун притащил упирающегося ишачка, поставил его на середину арены и показал зрителям большую коробку конфет и карманные часы величиной с дыню. А потом он пронзительно закричал:

— Дорогие зрители!
Прокатиться не хотите ли?
Вот стоит ослик —
Уши да хвостик!
Кто на нём усидит —
Тот храбрец и джигит!
Вот часы, вот приз —
Одну лишь минуту
Не брякайтесь вниз.

Все настороженно молчали и переглядывались.

— Ну что же вы! — кричит клоун. — Неужели никто из вас не любит конфеты?

— Любим! — кричат все в один голос.

— Так выходите же, удальцы-храбрецы! Продержитесь на этом скакуне одну минутку, и конфеты ваши! — подзадоривает клоун.

Сперва никто не решался попробовать. Зрители посмеивались, переглядывались, толкали друг друга локтями, но желающих не находилось. Стеснялись. Тогда клоун стал стыдить.

— Какой стыд! Какой позор на ваши головы, — кричит. — Неужели здесь не найдётся ни одного смелого человека?! Испугались маленького ишачка!

И вдруг сидевший рядом с Митькой большой, усатый человек поднялся с места, подкрутил ус и надменно сказал:

— Кто испугался?! Я испугался?! Арчил Коберидзе испугался?! А ну подайте мне этого жалкого ишака, и вы увидите, что я сейчас с ним сделаю!

— Давай, давай! — кричит клоун. — Милости прошу! Наконец нашёлся храбрый человек! Ай, ай, пропали мои конфеты, плакали горючими слезами.

— Эх, опередили! — шепчет Мишка Хитров и с досады хлопает кулаком в ладонь.

— А ты когда-нибудь верхом ездил? — спрашивает Вика.

— Подумаешь! Делов-то — на ишаке прокатиться! — говорит Мишка. — Упустил! Сейчас бы конфеты лопали! Этот-то, ясно, заберёт их, слыхали — Коберидзе его фамилия, грузин, значит. Грузины — они все наездники.

Ишачок спокойно стоял и ждал. Когда доброволец подошёл к нему, все засмеялись — ишачок был такой маленький, а человек толстый и важный.

— Одну минуту? — спрашивает.

— Одну, дорогой! Только одну маленькую, совсем коротенькую минуточку, и можешь угощать друзей конфетами.

— Эх дурак я, дурак. Упустил! — шепчет Мишка.

— Ты безумный человек, кацо! Ты не знаешь, кто такой Арчил Коберидзе! — гордо говорит доброволец.

— Так ты и есть сам Арчил Коберидзе, — с притворным ужасом говорит клоун и подмигивает зрителям. — Ой, пропала моя глупая голова! Пропали мои конфеты!

— Ах подмигиваешь? Смеёшься? Ничего, ничего, сейчас плакать будешь! — кричит Арчил Коберидзе.

И он вскочил на ишака.

Что тут началось!

Ишачок вдруг заподпрыгивал сразу на четырёх ногах, будто это были не ноги, а пружинки.

Вместе с ним заподпрыгивал наездник.

Потом ишачок лихо взбрыкнул и наездник, нелепо взмахнув руками, шлёпнулся на арену.

Он сидел, недоуменно хлопал глазами, а цирк покатывался со смеху.

Клоун встал на голову, подрыгал ногами, потом прыжком поднялся и сделал сальто.

— Ах, ах! Какой нехороший, какой скверный ишак! — кричит клоун. — Можно сказать: просто какой-то невоспитанный осёл! Сбросил такого джигита, как тебе не стыдно!

— Иа, иа! — говорит ишак.

— Ах так! — кричит Арчил Коберидзе. — Сейчас ты увидишь! Сейчас все увидите!

Он азартно сорвал с себя пиджак, снял шляпу и в ярости швырнул их на бортик арены.

Ишачок спокойно и равнодушно стоял на прежнем месте и жевал губами, будто ничего не произошло.

Арчил Коберидзе осторожно подкрался к нему сзади, прыгнул на спину и схватил руками за уши. Теперь, как ни взбрыкивал ишачок, как ни подпрыгивал, ничего у него не получалось. Клоун держал в руках секундомер и кричал:

— Ай, молодец! Джигит! Двадцать две секунды! Двадцать четыре! Ай, пропали конфеты! Двадцать девять! Тридцать!

— Видишь, кацо! — кричал джигит.

— Вижу, дорогой! Вижу!

— Теперь понял? — спрашивает Арчил Коберидзе.

— Понял, понял! Пропал я! — причитает клоун.

— То-то же! Я — Арчил Коберидзе! — говорит Арчил Коберидзе.

— Эх! Плакали мои конфеты, — говорит Мишка Хитров. Упустил!

И тут присмиревший было ишачок разбежался изо всех сил, а наездник скакал на нём победителем и даже исхитрился помахать зрителям рукой.

Но ишачок вдруг остановился на всём скаку, и Арчил Коберидзе, перелетев через его голову, шлёпнулся со всего размаху на арену. Что было!

Цирк просто стонал от хохота.

У многих слёзы текли и животы разболелись.

А клоун вдруг вскочил на ишачка и спокойно уехал с арены.

На этом представление окончилось.

Когда отсмеялись всласть и уже пробирались меж рядами к проходу, Митька неожиданно сказал:

— Не нравится мне это... Хоть и смешно.

— Смешно, — говорит Вика, — только жалко.

— Жутко смешно, — кричит Мишка. — Вон этот Арчил Коберидзе идёт! Какой-то он понурый...

— Будешь тут понурый, — говорит Митька!

— Когда все смеются над тобой, — добавляет Нина.

— Подумаешь, — говорит Мишка, — сам виноват. Зачем полез?

— Зачем, зачем! — кричит Митька. — Он думал, что сможет! Он же не знал, что этот осёл такой опасный ишак! Сам-то, думаешь, усидел бы?

— Кто?! Я?! — кричит Мишка. — Уж будь здоров! Жалко, не успел.

— Не хвастай, Мишка! — говорит Вика. — Слушать неприятно.

Они уже вышли в коридор.

Направо был буфет, дальше — раздевалки. А налево висела плотная занавеска и над ней надпись: «Посторонним вход воспрещён».

— Глядите-ка, — говорит Мишка, — что-то там, наверное, жутко интересное, давайте заглянем?

— А надпись? — спрашивает Нина.

— А-а! Подумаешь! Мы в щёлочку!

Ребята осторожно раздвинули занавес и в тускло освещённом коридоре увидели двоих людей. Они что-то рассказывали друг другу и весело смеялись.

Вдруг Митька выпустил занавеску и принялся так хохотать, что чуть на пол не сел.

— Ты чего это? — испуганно спрашивает Вика. — Ты не заболел?

— Эх мы! Эх и обвели же нас! Эх и надули! — в восторге приговаривает Митька и хохочет — не остановиться ему.

— Да кто?! Кто?! — спрашивают все.

— Клоун с этим самым Арчилом! — говорит Митька. — Во, глядите, видите, это они там разговаривают!

— Точно! — говорит Мишка. — А Коберидзе ус отклеивает, видите? Значит, никакой он не Коберидзе.

— Значит, нас... — растерянно спрашивает Нина.

— Точно! Поняла? — кричат все.

— Ну здорово! Ох и здорово же, мальчики!

— Тогда всё это в десять раз смешнее, — говорит Митька.

— Тогда да!

20. Ключ

Митька, Мишка и Лёшка учились стоять на голове.

После цирка Мишка будто с ума сошёл. Он решил сделаться акробатом и каждую свободную минутку норовил стать на голову. Но одному ему скучно было стоять и глядеть на мир в перевёрнутом виде. Поэтому он к друзьям своим привязался.

— А ещё друзья, — говорит, — у меня уже вся спина в синяках, а вы не поддерживаете.

— Почему же спина, если ты на голове стоишь? — спрашивает Митька.

— А вот попробуй, тогда узнаешь! Может, во мне великий акробат притаился. Меня поддерживать надо, если я дарование.

— Ну ладно, пошли, раз дарование, — говорит Лёшка. — Зрители нам не простят, если загубим.

Они пошли в самый конец школьного сада на лужайку под огромным тополем, и Мишка стал их учить.

Надо было согнуться углом, упереться головой в землю и сильно оттолкнуться ногами. Мишка говорил, что это проще простого.

Р-р-раз! И стоишь на голове!

Но получалось совсем не так.

Р-р-раз! И не стоишь на голове. Только ноги чуть-чуть подпрыгнули.

Р-р-раз! И лежишь на спине — смотришь в небо.

Митька чуть себе шею не свернул, даже хрустнуло что-то. И про Мишкины синяки сразу стало понятно.

Потом пошли домой.

— Это ничего, что не получается, — жизнерадостно говорит Мишка, — вы на свои синяки плюньте.

— Лучше я на твои, — ворчит Лёшка.

— Главное — тренировка! — кричит Мишка.— Каждый день теперь будем сюда ходить!

Митька с Лёшкой переглянулись. Они молчали.

У Митьки так болела шея, что не поворачивалась, а у Лёшки скрипела нога и норовила сама собой уйти в сторону.

Но дело не в этом, а в том, что у самого дома выяснилась неприятная вещь — Митька потерял ключ.

Он стоял перед собственной запертой квартирой и третий раз выворачивал карманы.

Но ключа всё равно не было. Видно, выпал, когда Митька учился стоять на голове.

Он со всех ног бросился в сад... и чуть не столкнулся с папой.

— Ты куда, Митяй, несёшься, как реактивный? — спрашивает папа.

— В сад, — говорит Митька.

— А ты уже обедал?

— Ещё нет.

— Кру-угом! — командует папа. — Обедать, марш!

Папа размахивал пакетами в обеих руках и прыгал через три ступеньки.

Митька за ним еле успевал.

— Ну-ка, Тяша, открывай быстренько, — говорит папа, — я голоден, как сто волков.

Митька снова стал выворачивать карманы. С унылым выражением лица.

— Что это ты пыхтишь-вздыхаешь?— подозрительно спрашивает папа. — У тебя ключ есть?

Митька отвернулся, ковырнул площадку носком ботинка и ничего не ответил.

— Посеял? — спрашивает папа. — Это уже третий, кажется?

— Второй, — говорит Митька.

— Ох и растяпа! Уму непостижимо! В кого ты только такой уродился, хотел бы я знать?

Папа засмеялся, передал Митьке все пакеты и сунул руки в карманы. Он долго и тщательно искал, шептал что-то и снова принимался искать.

А потом как-то странно поглядел на Митьку и улыбнулся.

— Ну дела, Митяй! Как же мы в дом-то попадём?

Ох и обрадовался же Митька.

— И в кого я только такой уродился? — кричит, а у самого рот до ушей.

— Ты чему радуешься? — спрашивает папа. — Ты не больно-то веселись! Влетит нам обоим от мамы, ох и влетит!

Они вышли на улицу, стали ждать маму.

Смешно! Стоят под своими собственными окнами, а домой не попасть.

Окна на втором этаже открыты настежь, а дома грибной суп и котлеты.

Митьке вдруг так есть захотелось, что слюнки потекли.

— Ох и есть же охота! — говорит.

А мамы всё нет и нет.

Вдруг Митька хлопнул себя по лбу — совершенно гениальная мысль пришла ему в голову.

Это же проще пареной репы! Надо залезть в окно и отворить дверь изнутри!

Благо, возле самого окошка проходит водосточная труба. По ней забраться — пустяковое дело.

Но папе эта мысль показалась не очень гениальной.

— Ну-ну, — говорит, — не выдумывай! Шею сломать хочешь? Ещё чего — по трубам лазать!

Но сам подошёл к трубе и подёргал.

— Крепкая, — говорит и задумчиво смотрит на окно.

— Можно? — спрашивает Митька.

— Нет, нет! Это опасно, — говорит папа и снова дёргает трубу. — Вроде крепкая.

А мамы всё не было.

— Ну вот что, Митяй, — говорит вдруг решительно папа, — держи пакеты, а я попробую туда забраться.

И папа полез по трубе.

Митька стоял внизу и говорил ему, куда ставить ногу.

Потом рядом с ним остановились два старичка с авоськами. Потом мороженщица с тележкой. Потом студент с чертежом под мышкой. Потом моряк с трубкой. Потом... Потом... Целая толпа собралась.

И все давали папе ценные советы и указания.

Папа был совсем уже близко от окошка, когда кто-то ка-ак засвистит. Митька оглянулся, а это милиционер. Он пробрался сквозь толпу, постучал согнутым пальцем по трубе и сказал:

— А ну-ка, гражданин, слазьте!

— Да вы не беспокойтесь, — говорит папа, — я уже почти добрался!

— Вот это меня и беспокоит, — отвечает милиционер.— Немедленно слазьте, а то засвищу!

И как засвистит! У Митьки даже уши заложило!

Папа подумал немного и стал спускаться. Такой свист человеку вынести невозможно.

Только он спрыгнул на тротуар, а милиционер его за руку — хвать, под локоток.

— Пройдёмте, — говорит, — гражданин.

— Куда? — спрашивает папа.

— В отделение милиции. Выясним, что вы за птица.

Тут Митька не выдержал.

— Это не птица никакая! — кричит. — Это мой папа!

— Понимаете, — говорит папа и краснеет. — У нас ключа нет.

— Понимаю, — говорит милиционер, — откуда же ему взяться. И-их, и не стыдно мальчонку-то в такие дела впутывать.

— В какие такие дела? — удивляется папа.

— Известно, в какие, — говорит милиционер, — в тёмные. Пройдёмте!

— Поймали голубчиков? — спрашивает вдруг остроносая шустрая старушка. — А ишшо в шляпе, — говорит, — это надо же ж — при белом свете дня такое!

Митька вцепился в папин рукав и от возмущения и от растерянности просто онемел.

Вдруг слышит — мамин голос. Мама пробиралась сквозь толпу и тревожно спрашивала:

— Что произошло? Кого поймали?

— Мазуриков опасных, — отвечает старушка, — кого ж ещё?!

— Мама, мама, это нас поймали, — кричит Митька, — меня и папу!

Толпа расступилась, и мама увидела Митьку с папой.

Она так испугалась, что сделалась белая с голубоватым оттенком.

— В чём дело, — спрашивает громким шёпотом. — Боже мой, что вы такое натворили, неугомонные?!

Папа ещё больше покраснел, ничего не ответил, только отвернулся с возмущением.

А милиционер козырнул — откашлялся и докладывает.

— Я, — говорит, — этого гражданина, — и показывает на папу, — с трубы снял.

— С трубы?! Господи, с какой ещё такой трубы?!

От изумления глаза у мамы в два раза больше стали.

— С водосточной, — говорит милиционер, — этот гражданин вон до того окна добирался.

— Ясное дело, — говорит старушка, — а ишшо в шляпе! Грабитель!

— Собственной квартиры, — бурчит папа.

Мама поглядела на своё окошко, потом на папу с Митькой, потом снова на окошко да как начала хохотать! Милиционер сперва удивился, потом улыбнулся, а потом тоже как захохочет. Понял, видно.

И все засмеялись. Стоят и смеются. Один папа не смеялся.

Но потом улыбнулся и он. Глупо ведь стоять и не смеяться, если смешно.

А Митька взял его под руку и маму под руку и повёл домой. Есть суп с грибами и котлеты.

21. Приняли!

Сегодня приняли вторую звёздочку, приняли «Светлячков» в пионеры!

В пионеры их приняли!

Митька пришёл домой тихий, задумчивый, какой-то плавный.

У него был повязан красный галстук, и он двигал шеей осторожно, будто нёс на голове широкий стеклянный сосуд, наполненный до самых краёв водой, и боялся её расплескать.

Дома было торжественно. Белая скатерть постелена — хрустящая, крахмальная. В прозрачном бульоне плавали золотистые звёздочки, а к нему любимые Митькины пирожки с мясом. Маленькие с коричневой хрустящей корочкой, тающие во рту.

И цветы в вазе.

И голубцы в сметане.

Но всё это Митька заметил потом, а сперва не замечал.

Он только себя замечал, мелькающего в зеркале, — торжественного, с пунцовым галстуком на шее и алыми, горящими щеками.

Вот и свершилось!

Папа не отпускал обычных своих шуточек. Он сидел в кресле, без газеты в руках, и задумчиво, чуть печально поглядывал на Митьку.

А мама хлопотала, расставляла парадные голубые тарелки и тоже поглядывала на Митьку.

— Ну чего вы, — смущённо говорит Митька, — такие...

— Какие? Какие мы, Тяша? — спрашивает мама.

— Ну, такие... молчаливые совсем. И переглядываетесь.

— Вырос ты, Митяй, — говорит папа задумчиво. — Здорово ты вырос. Вот уже пионером стал...

— Выходит, мы уже старые... Сынище-то какой! Пионер! А давно ли... Миша! А давно ли мы... — говорит мама и странно так улыбается, будто хочет заплакать.

— В том-то и дело, — говорит папа, — будто вчера... Помнишь, я ещё галошей Оську Барбака на линейке по голове стукнул за то, что он тебя за косичку...

— Помню, — говорит мама. — А они теперь галош не носят...

— На линейке?! — поражается Митька. — Как же можно?

— Да понимаешь, старик, — смущается папа, — как-то всё было... Тёмный коридор... нас как сельдей в бочке — школа маленькая, в три смены учились, толкались, торопились... А всё равно запомнили. Я этот день до сих пор помню. Я как раз накануне хлебные карточки потерял. Хорошо ещё, конец месяца был... Но я не из-за карточек запомнил —

из-за клятвы. Это была первая моя клятва, которую я давал. А вы?

— Мы тоже давали, — тихо говорит Митька.

— А мурашки по спине бегали? — спрашивает папа.

— Откуда ты знаешь?! — поражается Митька.

— Я, брат, всё знаю, — говорит папа. И он снова странно как-то переглянулся с мамой и задумался.

А Митька пытался вспомнить этот день во всех подробностях и никак не мог. Слишком он волновался.

Помнил только торжественные лица третьеклассников, построенных в каре — квадратом, вернее, даже не торжественные, а разные — взволнованные, чуть испуганные, помнил чистый серебристый голос горна, сухую дробь барабана и звенящий голос пионервожатой.

— «...Перед лицом своих товарищей торжественно обещаю: горячо любить свою Родину...» — нараспев говорила она. Помнил оглушающий стук своего сердца, мгновенно пересохший от волнения рот и собственный глухой, непохожий голос, слившийся с голосами своих товарищей: «...перед лицом своих товарищей торжественно обещаю: горячо любить свою Родину...». И мурашки, бегущие по спине, и покалывающие в кончики пальцев морозные иголки. Как же можно в такой миг кого-нибудь галошей по голове?! Уму непостижимо!

В те мгновения Митька бесконечно любил всех на свете: товарищей своих, Таисию Петровну, маму, папу — всех.

А потом он услышал непонятные звуки, скосил глаза и увидел, что Вика Дробот плачет.

— Ты чего? — спрашивает Лёшка. — Что с тобой?

— Я не знаю, мальчики! — шепчет Вика. — Я ничего не знаю! — И улыбается сквозь слёзы.

И Митька понял, что это не слёзы, а будто бы грибной дождик, когда светит солнышко и не понятно, откуда он взялся, — лёгкий и весёлый. Он вдруг неожиданно стал очень многое понимать про себя и про других людей, будто на глаза надели волшебные очки.

А потом тот самый семиклассник, с которым была великая битва из-за голубя, подбежал к Митьке, повязал ему на шею прохладный, приятно скользящий по подбородку галстук, ласково ткнул кулаком в бок и шепнул:

— Носи, победитель!

И другим ребятам повязали галстуки. И о чём-то говорила бабушка Лисогонова, совсем непохожая на бабушку, — весёлая и молодая.

Но Митька ничего уже не слышал. Он слушал самого себя, и что-то внутри у него трубило и бухало, как духовой меднозвенящий оркестр. И Митька знал, что не забудет этот день всю свою долгую будущую жизнь.

22. Пожар

По профессии Митькин папа журналист, а по призванию — народный умелец.

У него и друзья все умельцы.

Митька людей из этого племени по глазам узнаёт в любой толпе.

Глаза у них с какой-то сумасшедшинкой.

Когда папе приходит в голову очередная идея, мама срочно начинает хлопотать о командировке, потому что жизнь в это время в доме становится затруднительной.

Стоит только вспомнить знаменитую эпопею с табуреткой.

Когда папа решил, что для нормального существования семье необходима сделанная его руками табуретка, Митька демонстративно стал сушить сухари, угрожая сбежать из дому куда-нибудь на границу с Монголией или даже дальше.

Дом переполнился самыми разными столярными инструментами: рубанками, фуганками, кнопками, шерхебелями всякими, а древесина была представлена во всём своём многообразии от морёного дуба до сандалового дерева.

Всюду были стружки, опилки, обрезки досок, а в кухне на газовой плите булькал, распространяя неслыханное зловоние, клей, который папа варил по собственному рецепту, — из коленной чашечки ископаемого мамонта.

Ему эту чашечку прислал с полуострова Таймыр старый приятель, тоже народный умелец.

На сиденье пошла инкрустированная перламутром столешница старинного столика.

Через полтора месяца табуретка была готова. И тут оказалось, что у неё одна ножка длиннее остальных.

Папа её подпилил, и тогда она сделалась короче других.

Тогда папа подравнял остальные, но первая непонятным образом вновь стала самой длинной.

Папа озадаченно оглядел своё детище, хотел расстроиться, но передумал и улыбнулся.

— Прекрасно! — говорит. — Вышло даже лучше, чем я замышлял! Зачем нам табуретка, если есть прекрасные стулья. Смешно! А вот скамеечка для ног в каждом доме необходима.

Он уселся поплотнее в свое любимое кресло, прицелился, положил ноги на бывшую табуретку... и она благополучно развалилась.

В этот день было воскресенье, мама уехала в гости к подруге и папа решил вывести ацетоном ржавый подтёк в ванне.

Митька лежал на диване в узком коридорчике и читал любимую свою книжку про капитана Немо, а папа чистил ванну.

Причём этой благоуханной жидкости у него была полная литровая бутылка и ещё одна такая же стояла в углу ванной комнаты.

Папа чистил ванну с размахом, как истый умелец. Потом раздался мелодичный звон, запах резко усилился и Митька понял, что одной бутылки уже не существует.

За спиной его раздалось пыхтенье и невнятное бормотанье.

Затем послышалось чирканье спичек и тут же гулкий непонятный хлопок. Но Митька не обернулся — как раз в это время капитан Немо схватился с громадным осьминогом.

За спиной топот и сопенье резко увеличили темп, и всё это на фоне непонятного гула.

Но Митька всё ещё не оборачивался, хоть и начал смутно подозревать неладное. Наконец читать уже стало невозможно, потому что глаза ел дым.

Митька поднялся с дивана и обнаружил, что в квартире пожар.

Ацетон горел свирепо и весело — тяга в ванной была отличная, — пламя аж гудело. Помимо ацетона горели: пластмассовая шторка, посудная полка, деревянный ящик аптечки и два старых стула с мягкими сиденьями, подвешенные к водопроводному стояку.

В этом дыму и пламени метался папа, бессмысленно махал руками и что-то нечленораздельно выкрикивал. Что-то вроде: «Кыш! Кыш!».

Он вдруг выскочил в коридорчик, весь закопчённый, в прожжённой и грязной бывшей голубой пижаме, захлопнул за собой дверь в ванную и сообщил Митьке шёпотом:

— Горим!

Потом увидел его перепуганное лицо и утешил:

— Это ничего, ничего! — говорит. — Главное, мамы дома нет! Это здорово, что её нет! Сейчас всё само прогорит, ты не бойся! — И вдруг нервно захихикал: — Нет, ты гляди — горим! Цирк какой-то. Можно сказать, полыхаем!

В это время раздался сильный взрыв и стало понятно, что от жара лопнула вторая бутылка ацетона.

Дверь начала трещать и коробиться. А из вентиляционного окошечка с металлическим жалюзи́ вылезли острые языки пламени и стали вкрадчиво лизать обои, а один, самый нахальный, умудрился лизнуть папино ухо.

Папа с воплем отскочил, дверь распахнулась, и вот тут Митьке стало по-настоящему страшно, просто сердце захолонуло.

В ванной был ад кромешный. Гудящий жарким пламенем, изрыгающий густые клубы дыма ад.

— Я вызываю пожарных, — дрожащим голосом говорит Митька и хватает телефонную трубку.

— Вызывай! — кричит папа.

Митька набрал ноль-один.

— Не вызывай! — бросается к нему папа и нажимает на рычаг.

— Сгорим ведь, — кричит Митька.

— Тогда вызывай!

Набрал ноль-один.

— Стой! Не вызывай! — Папа снова стучит по рычагу.

— Но почему?! Почему?! — кричит Митька во всю глотку и видит, что папино ухо стало похоже на оладью — на ухе волдырь.

— Стыдно... — тихо признаётся папа, — может, оно само... как-нибудь прогорит...

И тут Митька почувствовал себя очень взрослым и очень решительным.

— Стыдно ему! Небось дом поджигать не стыдно, — ехидно говорит он. — Хватит! Вызываю пожарную команду!

И он набрал ноль-один.

— Пожар! — пугает он собеседника каким-то писклявым, не своим голосом. — Горим! Просто ужас какой-то!

— Не выдумывай! — лениво отвечает трубка и даёт отбой.

Секунду Митька ошалело глядел прямо перед собой, потом вновь, срывая ноготь от нетерпения, набрал ноль-один.

— Безобразие! — вопит. — У нас пожар! Мы горим, а вы...

— Перестань хулиганить, девочка, — строго говорит трубка. — Это тебе не шутки!

Девочка! Митька просто дар речи потерял от негодования.

Тут за дело взялся папа.

— Вы нас, конечно, извините за беспокойство, — говорит он интеллигентным голосом, — но мы и вправду, в некотором роде, э... горим!

Митька уже не видел папу. Он даже собственной руки не видел — такой дым. У него слёзы катились градом. И он решил действовать сам, потому что неторопливость пожарного дежурного его насторожила.

Он распахнул окно и двери.

Ведро в доме было одно — мусорное. Он схватил его, высыпал мусор прямо на пол. Но ведро не поместилось между кухонным краном и раковиной. И тогда Митька бросился через лестничную площадку к соседям.

На его суматошный звонок дверь открыла соседка.

Он оттолкнул её, удивлённую, бормотнул извинения и бросился к ванной комнате.

В ванне весь в мыльной пене сидел сосед Макар Гаврилович — у него был банный день.

Митька зачем-то щёлкнул каблуками и сообщил:

— Горим!

И зачерпнул мусорным ведром воду из ванны.

У соседа изумлённо вытаращились глаза, он поджал ноги и испуганно прошептал:

— Ты чё?! — шепчет. — Ты чё?! Ошалел?!

Митька увидел мельком своё отражение в зеркале — вид его был ужасен. Впечатление такое, будто им чистили дымовую трубу. Но до вида ли тут было! Митька вбежал к себе в квартиру, с размаху выплеснул воду в огонь и дым.

И так раз десять — от соседей к себе, пока в ванне не кончилась вода.

Всякий раз, прежде чем зачерпнуть, Митька, совершенно непонятно почему, щёлкал каблуками, как какой-нибудь гусар или даже кавалергард, и извинялся перед Макаром Гаврилычем.

А тот сидел, поджав ноги, и стыдливо прикрывался мочалкой.

И пожар погас.

Остался только дым и ещё пар.

— Говорил тебе — не вызывай, — говорит тут назидательно папа. — Ну что мы пожарным скажем? Только зря

людей побеспокоили! Беги вот теперь встречай. Скажи — всё в порядке, пускай едут обратно.

Митька побежал на улицу. Тут к нему бросились Нина Королёва и Мишка Хитров.

— Ой, Митька! — говорит Нина. — Это у вас пожар?

— У нас! — гордо отвечает Митька.

— Какой же ты страшный! Всё сгорело?

— Нет. Погасили, — отвечает Митька.

— Эх ты, — кричит Мишка и чуть не плачет от зависти, — а ещё друг называется! Не мог позвать!

— Да некогда, понимаешь, было, — оправдывается Митька.

— Некогда! Эх ты, Митька. Дожидайся теперь следующего пожара! Не думаешь ты о друзьях, тебе бы только самому удовольствие получить, — ворчит Мишка.

Но тут во дворе появилась пожарная машина. Две машины. С воем могучих сирен.

— Всё! Уже всё! Погасили! Поезжайте обратно, я сам погасил, — радостно кричит Митька и машет руками.

Но на него — ноль внимания.

Все пожарные в зелёных касках, а командир в никелированной. Он отстранил Митьку могучей рукой и стал отдавать короткие приказания.

Мгновенно развернулся серый шланг, набух второй.

Из машины, как живая, вылетела серебристая лестница, и к восторгу зевак пожарные полезли в Митькино окно.

Туда же направили тугую струю воды. Раздался звон бьющихся стёкол.

— Стойте! — орёт Митька. — Перестаньте.

Он схватил наконечник брандспойта и рванул его из рук пожарного.

Струя ударила по толпе зевак, несколько человек повалились, как кегли, остальные с воплями разбежались.

— Стоп! — приказывает блестящая каска. — Кто таков?

— Хозяин, собачий сын! — кричит какой-то мокрый, как мышь, старичок. — Сперва пожары зажигають, после по людям водой холодной! Безобразие!

— Почему мешаете работать? — строго спрашивает командир.

— Да ведь не горит уже! Погасили! — кричит Митька плачущим голосом. — Там дым один остался, а вы туда водой!

— Поглядим! Ведите!

И Митька повёл его к себе домой. Двое пожарных, влезших в окно, деловито растаптывали полуобгоревшие стулья, которые были подвешены к водопроводному стояку.

Меж ними метался мокрый, закопчённый, оборванный папа и смущённо извинялся.

Командир в блестящей каске тщательно осмотрел ванную, велел выбросить тлеющую посудную полку.

Потом насмешливым, протяжным взглядом посмотрел на папу, на Митьку и усмехнулся.

— Мда-а! — говорит. — Погорельцы! Хороши! Штрафануть бы вас рубликов на пятьдесят для острастки.

Папа согласно закивал головой, начал хлопать себя по воображаемым карманам, но пожарный жестом остановил его.

— Ладно, — говорит, — на первый раз прощается. До свидания... коллеги!

И он ушёл.

А папа подошёл к Митьке, обнял его за плечи и усадил на диван.

— А всё-таки мы молодцы, — говорит, — не растерялись. Особенно ты не растерялся. Знаешь, я начинаю думать, что из тебя, может быть, даже что-нибудь и получится в будущем. Что-нибудь такое приличное. Возможно даже, человек.

23. Несчастье

И вот всё рухнуло! Всё было кончено! Столько старались, соревновались, добивались неслыханных показателей, и всё рухнуло из-за глупой случайности. Вот уж не повезло так не повезло!

Даже Лисогонов, на что уж явный враг, и тот был потрясён жестокостью, с которой судьба обрушилась на несчастных «Светлячков».

Рыдала Вика — виновница несчастья. Она рыдала оттого, что виновница. Рыдала Нина из солидарности с Викой и ещё от обиды.

Кусали губы и мужественно сдерживали слёзы Митька, Лёшка и Мишка, но в душах их было смятение, и внутри

себя они никак не могли примириться с крушением своих надежд.

В горе своём они даже унизились до того, что принимали соболезнования и выслушивали всякие утешительные слова.

Все их жалели.

Одна только первая звёздочка «Помогаев», может быть, втихомолку радовалась.

Потому что «Помогаи» заняли в соревновании последнее место и по всем правилам в поход идти не должны были. А теперь, после всего случившегося, они шли, а «Светлячки» оставались дома. И всё из-за этого нелепого случая.

Но надо рассказать по порядку, иначе непонятно.

Всё было прекрасно. Ничто не предвещало беды. «Светлячки» перешли в четвёртый класс без троек, и были они теперь не звёздочка, а пионерское звено.

А как всякому человеку понятно, пионерское звено совсем не то, что малышовая октябрятская звёздочка. Взрослые люди, с них спрос другой.

Это и сказала старшая пионервожатая при директоре школы, когда выносила своё решение о суровом наказании «Светлячков».

И они приняли это решение гордо и мужественно.

Только Вика рыдала, потому что виновница.

Так вот. Ничто не предвещало беды, а, напротив, предвещало одну только радость.

В соревнованиях у них было прочное второе место с отрывом в целых семь очков от «Добрых хозяюшек». Хоть Лисогонов и кричал, что это несправедливо, и ещё слово такое выкопал — «произвол». Он четыре раза пересчитал очки и всякий раз «Светлячки» были впереди.

Два дня оставалось до конца учебного года. Всего два коротеньких весенних, удивительно тёплых денёчка, потому что было уже почти лето.

И четыре дня до того жданного целый год знаменательного числа, когда двадцать третий пионерский отряд, как теперь назывался 3 «а», а практически уже 4 «а», должен был отправиться в поход.

В первый пионерский поход, в лес, с ночёвкой и без единого родителя. Уже заготовлены были рюкзаки, полные всем необходимым, пригнаны по фигуре лямки, заряжены

свежими батарейками электрические фонарики, свёрнуты по-солдатски, в скатки, байковые одеяла и, самое главное, были улажены все спорные вопросы с родителями, которые никак не могли понять, как это без них можно ночевать в страшном и тёмном лесу.

А родители сопротивлялись до последнего.

Вот примерный перечень того, что должно было обрушиться, по их мнению, на несчастных, беззащитных детей:

1. Железнодорожные катастрофы.
2. Грозы и ливни.
3. Тёмный лес:
    а) можно заблудиться,
    б) можно провалиться,
    в) можно ушибиться,
    г) глаза выколоть,
    д) попасть в лесной пожар,
    е) свалиться с дерева.
4. Разбойники и прочие злые люди.
5. Волки и медведи.
6. Речки и озёра.
7. Сырая земля.
8. Недоброкачественные консервы.
9. Эпидемии:
    а) чумы,
    б) холеры,
    в) энцефалита,
    г) сибирской язвы.
10. ... и т. д. и т. п.

В большинстве случаев только вмешательство Таисии Петровны помогало преодолеть эти непреодолимые препятствия. А тут ещё с Колькой-Николенькой пришлось возиться.

Он решил во что бы то ни стало отправиться со своими друзьями «Светлячками». А его атласная мама решила во что бы то ни стало воспрепятствовать этому. Ни уговоры «Светлячков», ни уговоры Митькиного папы (а Викин и пытаться не стал, знал, ещё хуже будет, если он вмешается) не помогали.

Тогда Колька объявил голодовку и проголодал целых четыре часа, но его мама применила коварный приём: она пустила в ход слёзы — и от голодовки пришлось отказаться.

Ничто не помогало.

И опять же — только вмешательство Таисии Петровны решило Колькину участь.

«Светлячки» поклялись ей, что Колька-Николенька человек достойный, рассказали ей о его геройском поведении во время потопа и в битве с семиклассником, и она поверила своим ученикам, пошла и победила непреклонную Колькину маму.

За что «Светлячки» зауважали Таисию Петровну ещё больше. Хотя больше уже, казалось бы, и нельзя было.

И вот всё рухнуло!

Можете себе представить? И это после того, как были пройдены столь неслыханные испытания, о которых говорилось выше!

А всё из-за шестиклассников.

Это они изобрели и успешно испытали водяные бомбы.

Делалась бомба просто: брался развёрнутый тетрадочный лист, складывался таким особым образом в трёхгранный кулёк, туда заливалась вода, и готово дело!

Когда такую бомбу сбрасывали с третьего этажа, она с восхитительным звуком шмякалась об асфальт и взрывалась брызгами.

Просто какая-то эпидемия началась с этими бомбами!

Но «Светлячков» она не коснулась. Тем обиднее было то, что произошло. Вика даже не сама эту злополучную бомбу сделала. Ей её тот самый Севка из третьего «б» подарил, тот, с загнутыми вперёд ушами, из-за которого Митька попал однажды к директору на расправу.

Просто какая-то зловещая фигура был этот Севка! Одни от него неприятности! Он дал Вике бомбу, и тут уж, конечно, невозможно было удержаться, чтобы не швырнуть её в окно.

Попробуйте удержитесь, если сможете. Вика не удержалась.

И надо же было, чтобы в это время под окном проходил тот самый скандальный старичок, которого Митька окатил из брандспойта.

Просто фантастика какая-то, как везло этому старичку на водные процедуры!

Пять миллионов жителей в Ленинграде, а бомба упала на голову этому старичку.

Если быть точным, не на голову, а на плечо, но это особого значения не имеет, потому что окатило его здорово.

Что тут сделалось!

Старичок поднял такой крик, такой скандал, что и рассказать трудно. А когда всё звено в полном составе, с рыдающей Викой во главе, предстало перед ним в директорском кабинете, он узнал Митьку.

— Я нечаянно, — шепчет Вика сквозь слёзы, — простите меня, я не нарочно.

— Это заговор! — кричит старичок. — Никакого прощения! Требую сурового и примерного наказания.

— Честное пионерское, я не нарочно, — говорит Вика, рыдая.

— Один из брандспойта хлещет, другая из окна обливается! Одна шайка-лейка, — бушует старичок. — Требую сурового наказания!

Директор и старшая пионервожатая извинились от имени школы перед пострадавшим и обещали примерно наказать виновных. И наказали. Примернее уж некуда.

«Светлячков» не взяли в поход.

Один за всех, и все за одного.

24. Костёр в сосновом бору

Когда Митька и Лёшка посвятили в свой план всех остальных, наступила какая-то странная, громкая тишина. Громкая потому, что каждому слышно было, как бухает его сердце.

Всё опальное звено плюс Колька-Николенька стояло в дальнем углу школьного сада, под тем самым тополем, где недавно ещё Мишка тренировался на акробата, и молча таращились друг на друга.

И глаза у всех горели фиолетовым огнём, а у Мишки рыжим.

— А если родители узнают? — шепчет Колька.

— А как? — говорит Лёшка.

— А потом? Потом-то узнают? Со мной мама, не знаю даже, что сделает, — шепчет Колька.

— Потом пусть! Потом можно чего хочешь вытерпеть! — говорит Митька. — Главное, понимаешь, чтобы сейчас не узнали.

— Ох и здорово! — шёпотом кричит Нина Королёва.

— Вот это да! Блеск! — криком орёт Мишка.

— Ой, мальчики... — говорит Вика Дробот и, как обычно, начинает капать слезами.

— Что такое? Ты чего это? — спрашивает Лёшка.

— Ой, мальчики... А я уже всё папе рассказала, — плачет Вика, — он обещал в школу пойти, попросить...

— Эх ты! — кричит Мишка. — Опять всё из-за тебя срывается!

Ну тут Вика в голос! Лёшка нахмурился, что-то про себя прикинул, рубанул рукой воздух.

— Тихо! — говорит. — И ты, Дробот, не реви! Тут что главное? Быстрота и натиск тут главное! А ну пошли к твоему отцу!

— Зачем? — спрашивает Вика сквозь слёзы.

— Затем. Надо его задержать, чтобы не ходил в школу. Нас всё равно простить невозможно. Только план провалится. Мы придём и скажем, что нас простили и берут в поход.

— Нет, — говорит Вика, — так я не могу. Это будет враньё.

Лёшка задумался. И все задумались. А потом Мишка говорит:

— Правильно — это будет враньё. Только это будет враньё не на всю жизнь, а на один день. Потому что, — говорит, — завтра утром, перед тем как из дому уйти, ты своему папе оставишь на видном месте записку. И там всё расскажешь. Мы тоже подпишемся. И тогда уже вранья не будет, а будет правда.

— Ух ты, — говорят все с облегчением. — Во, Мишка! Во голова!

Все засмеялись будто бы радостно, все задвигались, но как-то не слишком весело, а суетливо, потому что в душе каждый был не очень-то уверен, что из вранья так просто сделать правду.

Но так уж хотелось в поход, таким он был долгожданным — целый год о нём мечтали, что каждый немножечко поборолся сам с собой и укоры совести победил. Или сделал вид, что победил. Для самого себя.

Викин папа распахнул дверь, пропустил ребят в комнату и заулыбался. В руках он держал кисть, а штаны его были перепачканы краской — Викин папа работал.

— Ага! Явились, малолетние преступники! — говорит. — Ну ладно уж, можете плясать, потому что я...

— Не надо! Уже не надо никуда ходить! Нас и так простили и берут в поход! Ладно уж, говорят, только чтоб в последний раз обливать прохожих, — перебивает его Лёшка до того неправдивым голосом, что самому ему и всем остальным стало противно.

Викин папа удивлённо вскинул брови и уставился на Лёшку. Потом по очереди поглядел в глаза каждому. И каждый не выдержал, опустил голову.

— Вот оно что, — каким-то странным голосом говорит Викин папа. — Вот оно, выходит, какие дела! Амнистия вам, значит, вышла, прощение то есть...

— Ага, прощение, — говорит Лёшка и делается такого же цвета, как собственный галстук на шее, а глядя на Лёшку, краснеют и все остальные.

— Да-а, — тянет Викин папа, — не знал я, что вы такие...

— Какие? — спрашивает Митька и сердце у него обмирает.

— Такие... невиновные теперь люди, — усмехается Викин папа и поворачивается к ребятам спиной. — Ну что ж, — говорит он не оглядываясь, — счастливого вам пути. Идите, гуляйте пока, мне работать надо.

И ребята тихонько, на цыпочках вышли. И как-то неловко им было глядеть друг на друга.

Сбор для всего отряда был назначен у подъезда школы в восемь часов. «Светлячки» плюс Колька пришли в половине восьмого. Только не к подъезду, а под арку дома, что напротив школы. Одеты они были по-походному, с рюкзаками за спиной. Правда, вид у них был совсем непраздничный — лица хмурые, невыспавшиеся какие-то.

— Записку оставила? — спрашивает Мишка Хитров.

— Оставила, — отвечает Вика.

— Ну вот что, — деловито говорит Лёшка, — нам нужен связной. Без связного мы пропадём. Он нас должен со всем отрядом незаметно связывать, чтоб никто не догадался. Кто в нашем классе самый хитрый?

— Ясно кто, — говорит Мишка, — Лисогонов, ух какой хитрющий.

— Правильно! А в нашем звене самая незаметная Нина Королёва. Вот и надо, чтоб она с Лисогоновым связалась и всё ему объяснила.

— Это почему же я самая незаметная, — обижается вдруг Нина, — моя мама говорит, что у меня глаза, как фонарики!

— В темноте, что ли, светятся? — деловито спрашивает Лёшка. — Так это не как фонарики, а как у кошки.

— Дурак! — говорит Нина. — Не буду я связной, раз незаметная.

— Чудачка, — объясняет Лёшка, — а кто же будет? Митьке нельзя — он Лисогонова вареньем обкормил и фельетон на него написал. У Вики, гляди, свитер какой полосатый, в глазах рябит. А у Мишки на голове будто костёр разложили. Они же заметные очень, поняла?

— А ты?

— Я?! — возмущается Лёшка. — Звеньевой я или не звеньевой? А командир командовать должен.

— Всё равно ты самая красивая, — выпаливает вдруг Митька, и сам пугается своих слов, и пятится, и прячется за Мишкину спину.

Нина вдруг заулыбалась во весь рот, тряхнула головой так, что волосы разлетелись, и говорит:

— Ладно! Я согласна! Я пойду! Сейчас же!

— Сейчас ещё рано, — говорит Лёшка и важно отдёргивает рукав свитера, будто у него там часы.

Ох и обрадовался же Лисогонов, когда узнал об оказанном ему доверии!

То есть это он сперва обрадовался, а потом так расстроился, что даже слёзы на глазах выступили.

— Эх, — говорит, — живут же люди! Таинственной жизнью. А я тут иди со всеми, как баран, безо всякой загадочности!

— Зато ты будто бы лазутчик, будто бы связной, как у партизан, — утешает его Вика.

Тут Лисогонов снова обрадовался и напустил на себя такой таинственный вид, какой ему полагалось по новому званию.

Сперва всё шло как по маслу. Только Таисия Петровна вела себя странно. Она задержала выступление отряда на

целых двадцать минут и всё время нервно поглядывала на часы. Потом вздохнула тяжело и сказала:

— Обиделись, наверное. Ну что ж, ребята, двинулись в путь!

А кто обиделся и на кого, Лисогонов и все остальные так и не поняли. И весь отряд зашагал к станции метро «Площадь Восстания».

А вслед за отрядом, осторожно лавируя среди прохожих, на некотором расстоянии кралось наказанное звено «Светлячков».

Отряд в метро — и звено в метро. Отряд на Финляндский вокзал — и звено за ним. Отряд в электричку — и звено в электричку, только в другой вагон. А перед этим подбежал таинственный Лисогонов и загадочно сообщил, что билеты надо брать до станции Зеленогорск.

Всё шло хорошо. Только когда ещё спускались по эскалатору, Кольке показалось вдруг, что далеко позади мелькнула долговязая фигура Викиного отца.

Он тут же сказал об этом, все с испугом оглянулись, — никого нет, стоят стеной незнакомые люди.

— Эх ты, — говорит Лёшка, — что ж он под эскалатор провалился?

— Значит, ошибся, — с недоумением пожимает плечами Колька.

— Паника на корабле, — говорит Митька.

Все засмеялись, одна Вика притихла и всё оглядывалась — уж она-то своего отца знала получше других — как-никак десять лет знакомы.

Но и она ничего подозрительного не заметила.

Когда электричка тронулась, через каждые несколько минут стал появляться взволнованный Лисогонов и шёпотом сообщать новости, «держать в курсе», как он говорил. Но никаких особых новостей не было, потому что всю дорогу отряд распевал песни.

Лисогонов сообщил: пионервожатая не смогла поехать, потому что в этот день выходила замуж. И это была единственная стоящая новость. Раньше все думали, что из-за болезни не поехала.

Бегал Лисогонов, бегал и чуть не добегался до беды.

Его Таисия Петровна хватилась. Зная беспокойный лисогоновский характер, кинулась по вагонам искать. Еле-еле успели присесть, спрятаться за высокие спинки сидений.

Таисия Петровна осмотрела близорукими глазами вагон, никого не увидела и пошла по проходу.

Тут, правда, у Лисогонова хватило ума вскочить и броситься ей навстречу.

Он заработал выволочку и больше не появлялся.

Самое неприятное началось на станции Зеленогорск.

Вышли из электрички, благополучно прошли подземным переходом под платформами к автобусным остановкам. И тут выяснилось, что к озеру Красавица, куда направлялся отряд, ходит только один автобус № 415 и ходит редко.

Только Мишка успел это разузнать — подходит этот самый автобус и туда с шумом и гамом начинает садиться весь отряд.

Что делать? Ждать следующего? А если потом не найти будет ребят на этой самой Красавице, на которой никто из звена не был? А если заблудятся? А если...

— А чего это мы должны бояться, — говорит решительно Лёшка, — они сами по себе, мы сами по себе. Автобус общий. Айда, ребята!

— С какой стати бояться! — кричит Митька.

— Общий автобус! — говорит Колька.

— Побежали! А то он сейчас тронется! — кричат Мишка, Нина и Вика.

Ввалились в автобус и тотчас же наткнулись на Таисию Петровну. Она торопливо пересчитывала ребят — не остался ли кто.

И вдруг — нате вам! Является наша отверженная пятёрка с Колькой в придачу. Таисия Петровна просто остолбенела, а потом вскрикнула что-то непонятное, и давай тискать ребят, и смеяться, и целовать, и слёзы у неё на глазах выступили.

— Милые мои, — говорит, — хорошие! Как же вы здесь оказались совсем одни? А я думала, вы обиделись и потому не пришли!

— Как же мы могли прийти, если нас не взяли в поход, — резонно отвечает ей Митька.

— Как это не взяли? — удивляется Таисия Петровна и смотрит на Вику. — Вас же простили! Я ведь с твоим папой вчера разговаривала, Вика! Всё ему сказала! Как же он мог промолчать?!

Тут пришла пора ошалеть от изумления нашим ребятам.

— Постойте, постойте, — говорит Митька, — теперь мне понятно, почему он на нас так странно глядел и разговаривал таким необычным тоном голоса! Он же всё знал! Знал, что мы ему врём!

И тут все поглядели на Мишку Хитрова, который придумал, как легко из вранья делать правду. Тот попятился.

— Вы чего? Чего это вы? — говорит. — Я один виноват? Да?

— Бросьте вы ссориться, ребята, — говорит Таисия Петровна, сразу почуяв неладное,—главное—мы опять все вместе, весь наш класс, и ещё главное — никто не потерялся.

И тут автобус тронулся, и все прилипли к окнам.

Ах что за чудо было это озеро Красавица! Вот уж кому не зря было дано такое имя.

Огромное, спокойное, в крутых песчаных берегах, поросших высоченными корабельными соснами — из любой хоть сейчас делай мачту.

А в воде те же сосны, только вниз головой. И получается, будто два леса — один в небо тянется, другой ныряет в озеро.

А вокруг смолой пахнет и свежей водой, а под ногами толстый слой рыжих скользких иголок.

Место для стоянки выбрали прекрасное — на большой поляне, рядом с крутым спуском к воде. Обрыв был из мельчайшего жёлтого песочка. Хочешь — кувыркайся вниз, хочешь — беги гигантскими шагами, увязая в рыхлом, мягком песке чуть не до колен.

Естественно, каждый тут же испробовал способ, который ему по душе.

Даже Таисия Петровна не удержалась — прыжками спустилась к озеру, зачерпнула лесной воды в ладони, умылась и засмеялась от радости. Купаться было ещё нельзя — вода была холодная, и потому все занялись самым серьёзным делом — стали ставить палатки.

Тот, кто никогда не ставил, думает — легко. Митька и сам сперва так думал, пока не попробовал.

Их звену плюс Кольке досталась большая палатка — на четверых взрослых, и прежде чем её поставили, пришлось здорово попотеть. Часа два, наверное, ставили и потели. Чуть все не переругались.

— Ты куда тянешь эту верёвку, — кричит Колька, который неожиданно опять вдруг превратился в Николеньку и стал командовать, стоя в стороне, — тяни в другую сторону! Да раздёргивайте, раздёргивайте! — кричит. — Эх вы, неумейки!

Наконец Митька не выдержал.

— Ты вот что, Николенька, — говорит он нехорошим голосом, — иди-ка сюда, я сяду верхом на твои могучие от гантелей плечи и привяжу верёвку повыше к этой сосне.

Колька как услыхал, что его назвали Николенькой, сразу присмирел и покорно выполнил Митькину просьбу. А Лёшка уселся на Мишку — тот был повыше.

Натянули верёвку меж двух сосен, и палатка повисла на ней как большая зелёная простыня.

Потом нарубили еловых лап, выложили ими прямоугольник земли, раздёрнули над ним палатку и так забили колышки, что парусина аж зазвенела. Это было как чудо! Из морщинистой брезентовой простыни вышел дом!

Да какой! Просторный, под брезентовым полом еловые лапы пружинят, а внутри таинственный зелёный полумрак.

Три одеяла постелили вниз, три оставили, чтобы укрываться.

Уютный получился дом, просто душа радовалась смотреть, просто вылезать из него не хотелось.

Лей, дождь! Дуй, ветер! Теперь всё нипочём!

Потом кто картошку чистил, кто воду носил, кто хворост собирал и костры разжигал, кто обед готовил.

Только запахло из двух больших котелков тушёнкой да картошкой, вдруг слышит отряд, голос из густого ельничка хриплым басом говорит:

— Это что тут за люди бродят, тушёнку с картошкой варят, меня, оголодавшего, соблазняют так, что слюнки текут? Вот ужо я вас сейчас пощекочу!

Не успел ещё никто как следует испугаться, как из ельника выходит долговязый худой дядька в берете и с плоским фанерным ящиком на боку.

Кто это был, догадались? Ясное дело — он.

Вика как завизжит, как кинется к нему.

— Папка! — кричит. — Папка!

Викин папа остановился, поглядел на неё удивлённо, будто не узнаёт, и спрашивает:

— Кто это? Может быть, это та девочка, которая сегод-

ня говорит одно, а завтра пишет в записках другое и кладёт их на видное место?

В отряде все с недоумением переглянулись. Все, кроме, разумеется, пятерых человек, которые глядели в землю, и выражения их глаз было не разобрать. Вдруг выходит вперёд Мишка и говорит:

— Это я, — говорит, — всё придумал. Вика тут ни при чём.

— Нет, это я придумал, — говорит Лёшка и тоже выходит.

А за Лёшкой и Мишкой вышли Митька, Нина и Колька. Они ничего не говорили, только стояли рядом, потому что один за всех и все за одного.

— Да в чём дело? Объясните наконец, что тут происходит, — говорит Таисия Петровна.

— Да! Объясните! — кричат все.

Викин папа поглядел внимательно всем шестерым в глаза и улыбнулся.

— Ладно, — говорит, — малолетние преступники, пусть это будет нашей тайной. Я картошки с тушёнкой хочу. Просто помираю.

И все повалили обедать.

— Папка, — шепчет Вика, — ты за нами следил?

— Ага, — отвечает, — моя фамилия Пинкертон, я знаменитый сыщик.

— А почему ж ты так долго не приходил?

— Как увидел, что вы в автобус сели, пошёл пешком, прогуляться, а не то что вы, лентяи, токари по хлебу.

Это был бесконечный и очень счастливый день.

А потом наступил вечер и озеро стало розовым от зари.

И тогда вспыхнул костёр. Костёр, к которому весь отряд шёл целый год.

Его сложили у самой воды, подальше от кустов и деревьев, чтобы не наделать пожара. Вокруг костра уселся весь отряд, и первой спели самую лучшую пионерскую песню, которую знали:

Взвейтесь кострами,
Синие ночи.
Мы пионеры,
Дети рабочих...

Ночь была синяя. Взвивался костёр. И все они были детьми рабочих, инженеров, журналистов, полярников,

моряков, художников, продавцов, лётчиков, а один даже сыном укротителя удавов.

Потом были другие песни, все, какие только знали.

И конечно, любимая Митькина:

> Там, вдали за рекой,
> Засверкали огни,
> В небе ясном заря догорала...

И Митька распевал во всё горло, и никто не сравнивал его с сиреной океанского буксира. И Лёшка пел, а не только открывал рот. Отблески костра метались по озеру, и любопытные рыбы время от времени выпрыгивали из воды, чтобы послушать и поглядеть.

Густым басом пел Викин папа. Тоненько, как звонок, выводила Таисия Петровна. Пел весь отряд.

Это были их первые пионерские песни и первый пионерский костёр. Огромный, рыжий, лохматый, как Мишкина голова. Яростный костёр в сосновом бору, на берегу красивого озера Красавица. И сосны стояли вокруг, как литые из меди или как натянутые латунные струны. И была потом первая ночёвка в лесу.

И Митька, и Нина, и Лёшка, и Вика, и Мишка, и Колька, и все остальные запомнят этот костёр, и этот вечер, и эти песни на всю свою остальную долгую жизнь.

Они ещё не думали, что запомнят. Они просто пели, смеялись, и разговаривали, и глядели на огонь. Но они запомнят, вы уж мне поверьте.

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

Когда я увидел его впервые, ему не было ещё и тридцати, но за ним уже крепко держалась слава популярного детского писателя.

Популярность была настоящей — об этом свидетельствовали высказывания работников детских библиотек Ленинграда и области, а эти люди лучше других знают, какие книги и каких писателей пользуются наибольшим спросом.

Нужно сказать, в те годы добиться признания в детской литературе было очень и очень нелегко — ленинградская детская литература с приходом в неё Радия Погодина, Виктора Голявкина и Юрия Томина по праву стала считаться лучшей в стране.

Испытание славой, как известно, проходят не все. Некоторые зазнаются.

Однажды я шёл по набережной Мойки и неподалёку от дома, где жил Пушкин, увидел Илью Дворкина. Я хотел окликнуть его, поздороваться, спросить, как идёт работа, но он прошёл мимо, задрав нос.

«Так, — подумал я, — кажется, слава уже вскружила ему голову».

Вскоре случаю стало угодно вновь свести нас, на этот раз на набережной канала Грибоедова. Я шёл от Казанского собора, он шёл мне навстречу. Шёл, как и в прошлый раз, — задрав голову!

«Уж мог хотя бы кивнуть», — подумал я, когда Илья прошёл мимо меня, словно мимо пустого места. Конечно, у меня ещё не было ни одной книги, но в журналах уже печатались мои рассказы. Нет, такой человек, решил я, не может быть хорошим, а уж товарищ он, как видно, совсем никудышный.

Я шёл и думал, что прав.

Много позже, когда мы подружились и я смог убедиться, какой он верный и надёжный товарищ, я рассказал ему, какое у меня было о нём мнение. Выслушав меня, он улыбнулся и сказал: «Когда-нибудь я тебе на это отвечу».

И он ответил. Своей книгой «Взгляни на небо», в которой есть такие строчки:

«Почему «Взгляни на небо»?

Потому что я давно замечал, что человек с нечистой совестью редко глядит на небо. Он смотрит в землю.

Глядеть спокойно в синее небо, дышать легко и свободно, дружить крепко и верно — вот что нужно человеку для счастья!»

Эту книгу Илья писал в сестрорецкой больнице. Днём его грудную клетку пронзали огромной иглой и шприцем выкачивали из лёгких жидкость, а ночью он по разрешению главврача закрывался в его кабинете и писал. Со стороны больница напоминала средневековый замок, и окно, за которым работал Илья, в ночи светилось одиноко и загадочно. Книга эта получилась светлой, жизнеутверждающей, как, впрочем, и всё, что он написал.

Читая рукопись этой последней его книги, я часто улыбался, узнавая в ней эпизоды, свидетелем которых я был. Помню, как однажды мы привели на день рождения его сына Мити нашу дочь. В большой комнате, окнами выходящей во двор, было шумно и от выкриков развеселившихся Митиных гостей, и от музыки. И вдруг все смолкли. Из трубы парового отопления вырвалась сильная струя.

Мы все, как загипнотизированные, смотрели на эту струю, всё больше обрастающую паром. По стене вода стекала на пол. Но перекрыть её было невозможно — система не имела крана. Ещё немного — и вода просочится сквозь пол и зальёт потолки нижней квартиры. Нужно было немедленно что-то делать. Но как перекрыть кипяток? Как собрать его с пола тряпкой?..

— Вызывай аварийку! — крикнул мне Илья, а сам, схватив подушку, придавил ею струю. Не в силах пробить пух,

струя потекла вниз, но теперь под неё можно было подставить вёдра. Потом приехала аварийка и перекрыла стояк.

Эту сцену вы найдёте в повести. Как стихи Митьки. Как и рассказ о стенгазете, которую он выпускал.

Илья Дворкин обладал редким даром пересказывать в своих книгах то, что он зорко подмечал в жизни. Хорошо зная его жизнь, я легко узнавал опыт прожитых им лет. Этот его жизненный опыт вкраплялся в книги, как морская галька, которой художник выкладывает мозаику. Но иногда и я ошибался — и то, что мне представлялось как его биография, оказывалось выдумкой, а воспринятое как выдумка оказывалось его биографией, фактом. На эту удочку попадались многие. Некоторые из похождений Ильи обрастали затем легендами. Приведу только один пример.

Однажды на Ленинградском телевидении снимали телеспектакль по его повести для детей «Львы живут на пустыре». По сценарию его героиня должна была засунуть руку в пасть медведю. Медведи, взятые для съёмок, были дрессированные, и всё-таки...

Постановщик вызвал Илью на телевидение, предупредив его по телефону, что эту сцену автору следует немедленно переписать.

Илья появился в павильоне в разгар съёмки какого-то эпизода. Медведи в клетках находились тут же, привыкали к свету. На глазах у всего съёмочного коллектива автор сценария вынул из портфеля банку с мёдом, закатал рукав и руку обмакнул в мёд. Затем он подошёл к клетке, и потерявшие дар речи изумлённые зрители увидели, как рука писателя погрузилась в медвежью пасть.

Медведь облизал мёд и преданными глазами взглянул на Илью.

— Снимать надо так, верно, Миша?! — сказал Илья, спокойно опуская рукав и застёгивая манжет.

— Снимайте, сейчас же! — проговорила героиня.

И съёмка прошла как по нотам.

— Как ты мог рискнуть? — спросил у него потом я, не зная, восхищаться ли его поступком или возмущаться.

— Это элементарно, — усмехаясь, отвечал он. — Неужели я тебе этого ещё не рассказывал?.. О том, как в детстве я сбежал из Сухуми с цирком-шапито?

И он стал рассказывать мне об этом своём приключении, о том, как повадился приходить в цирк во время его

гастролей в городе своего детства Сухуми, как помогал служителям кормить животных и убирать за ними, как бежал с цирком, сочинив артистам с три короба, и они, пожалев сироту, взяли его с собой. Я слушал его рассказ и опять терзался — верить ему или подозревать, что весь этот рассказ просто его очередное сочинение.

Но оказывается, что так оно всё и было. Он уже три месяца гастролировал по Кавказу, с какими-то акробатическими номерами стал выходить на манеж, когда его опознал какой-то милиционер. Пришлось вернуться в дом и сесть за школьную парту. Пришлось нагонять пропущенное. Пришлось узнать, как тяжела рука его деда. Но зато все сухумские мальчишки смотрели на него с восхищением.

Тогда-то он, наверное, и набрался своей отчаянной смелости. А может быть, это была врождённая черта его характера, как, скажем, и щепетильное чувство чести, столь присущее ему. Своим поведением он напоминал мне человека начала прошлого века, недаром его кумиром был декабрист Лунин. Вопрос о том, идти с ним в разведку или нет, никогда не стоял, это было его право выбирать, кого из нас следует брать с собой. Причём право это он ни у кого не оспаривал и ни у кого не отнимал, мы сами его ему отдали. Добровольно.

Обычно, когда я приезжал к нему в Сестрорецк, мы уходили в лес или на озеро Разлив. На берегу сиротливо чернели днища перевёрнутых лодок. Сладко пахло пресной водой. Низкий, заросший лесом противоположный берег, казалось, плыл над озером.

Я помню, как в один из таких осенних дней он стал вдруг читать свои стихи:

...Эта чистота и свежесть
В ветре, парусе, в груди,
Эта плоская вода,
Этот стылый алюминий,
Позови же, увези,
Мой негромкий север милый...
Окуни меня в мороз
И омой мне душу синью.
Знаю, вновь я стану сильным,
Беззаботным, словно дрозд...
А ещё хорош туман —
Влажная, тугая тяжесть.
Дождь косой и тих, и чист.
И дерев печальных важность,
И шуршащий рыжий лист...

Внезапно он замолчал. И долго смотрел на одинокую лодку, плывущую под парусом вдали.

Когда Илья сорокалетним ушёл из жизни, на его письменном столе осталась недописанная книга. Быть может, самая лучшая из всех, что он написал. Скорее всего, так оно и было. При встречах он признавался: «Я никогда ещё не писал с таким упоением».

А ведь внешне он всегда выглядел молодцом — сильное тело ватерполиста и пловца сохраняло юношескую стройность, на смуглом лице не угасала белозубая улыбка, и люди, встретившись с этой улыбкой, сами начинали улыбаться.

Таким улыбающимся, лёгким я и увидел его в последний раз, дня за два до приступа. Наступила уже пора белых ночей. Цвела сирень. И запах сирени плыл по освобождённому от автомобилей и толпы Невскому, обретающему в эти короткие часы свою первозданную красоту.

Наверное, очарованный величием ночного проспекта, Илья не замечал меня. Его взор, обращённый на колоннаду Казанского собора, был слегка затуманен, смуглое лицо — счастливо, и я не посмел окликом вывести его из этого состояния. Мы прошли рядом. Я подумал: хоть бы всё обошлось...

«Люди не умирают до тех пор, пока о них помнят! И хорошие люди живут дольше плохих, что бы на этот счёт ни толковали обыватели» — такими словами закончил Илья одну из своих книг. К этому можно добавить: писатели живут до тех пор, пока людям нужны их книги. А его книги, я в этом уверен, будут жить долго, ибо это увлекательные, добрые, наполненные солнечным светом книги. Они учат нас любить жизнь и дорожить дружбой.

Геннадий Черкашин

Содержание

Дорогие ребята!

Напишите, понравилась ли вам книга И. Дворкина «Костёр в сосновом бору».
Какие книги этого писателя вам запомнились?
Что из того, что написал Илья Дворкин, вы хотели, чтобы переиздало издательство?
Ждём ваших писем.
Не забудьте указать ваш домашний адрес и возраст.

Пишите по адресу:
Ленинград, 191187, наб. Кутузова, 6.
Дом детской книги.

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Дворкин Илья Львович

КОСТЕР [redacted] СОСНОВОМ БОРУ

Ответственный редактор О. Т. Ковалевская.
Художественный редактор В. П. Дроздов.
Технический редактор Т. С. Тихомирова.
Корректоры Л. А. Бочкарёва и Л. А. Ни.

ИБ 5905

Сдано в набор 17.02.82. Подписано к печати 10.06.82.
Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная № 2.
Шрифт школьный Печать офсетная.
Усл. печ. л. 10,4. Усл. кр.-отт. 23.08. Уч.-изд. л. 7,09.
Тираж 150 000 экз. Заказ № 315. Цена 40 коп.
Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени
издательства «Детская литература».
Ленинград, 191187, наб. Кутузова, 6.
Фабрика «Детская книга» № [redacted] Росглавполиграфпрома
Государственного комитета РСФСР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

Дворкин И. Л.

Д 24 Костёр в сосновом бору: Повесть/Рис. Е. Маршаковой. — Л.: Дет. лит., 1982. —124 с., ил.

В пер.: 40 к.

Эта радостная и добрая книга в школе, о доме, о маме и папе, о друзьях — о жизнн. В том, как приходит в маленькому человеку жизненный опыт. Как октябрята становятся пнонерами. Как прекрасно жнть, учиться, дружить.

4803010102—159
Д—————————185—82
М101(03)—82

Р 2

Книги И. Л. Дворкина

БУРНОЕ ЛЕТО ПАШКИ РУКАВИШНИКОВА.
Повесть.
Рис. А. Сколозубова.
Л., 1969, 159 с.

ВЗГЛЯНИ НА НЕБО.
Повесть.
Рис. О. Игнашевой.
Л., 1979, 128 с.

ГОЛОВА АНТИЧНОЙ БОГИНИ.
Повесть.
Рис. А. Сколозубова.
Л., 1976, 174 с.

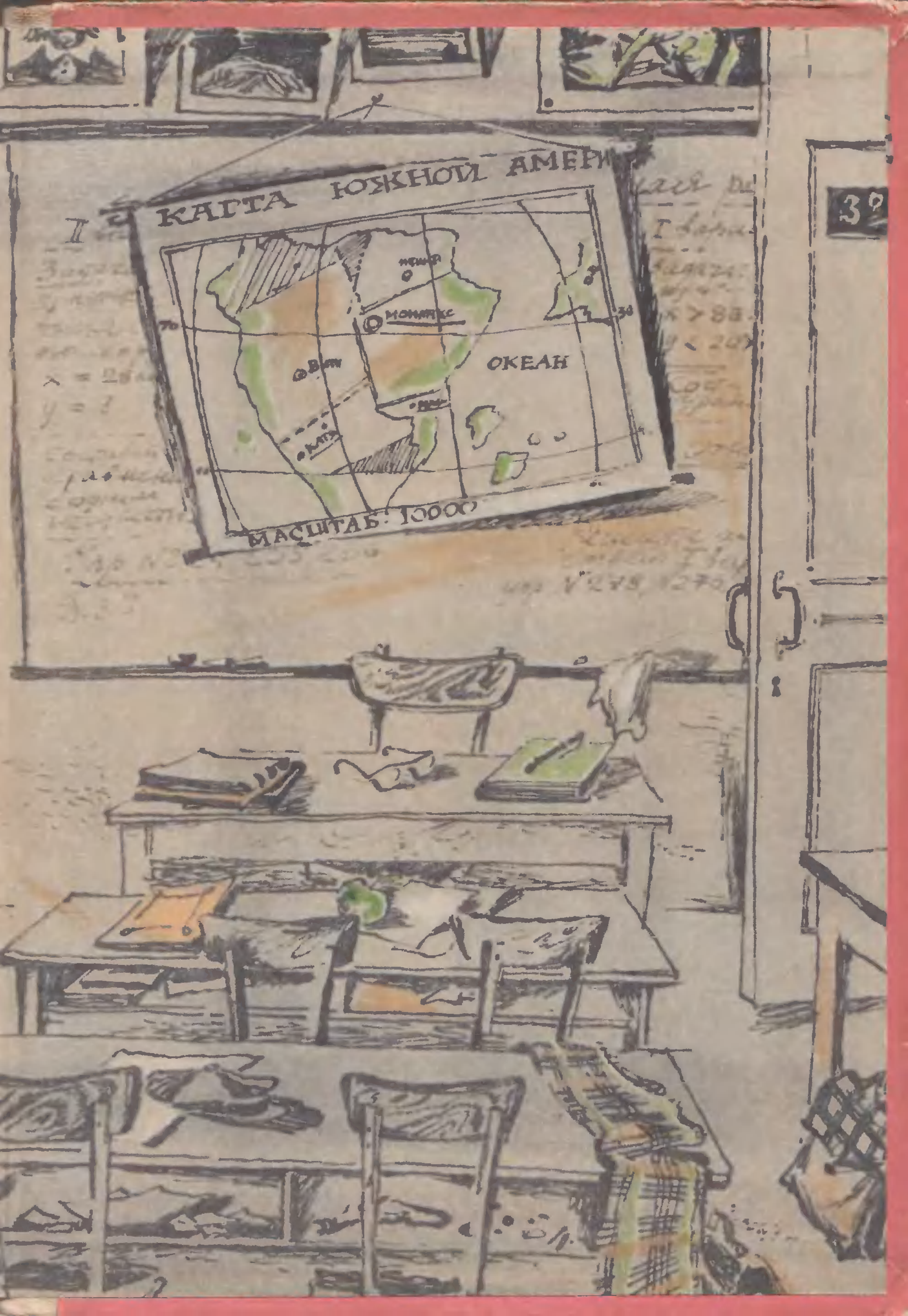
ЛЬВЫ ЖИВУТ НА ПУСТЫРЕ.
Повесть.
Рис. А. Сколозубова.
Л., 1968, 61 с.

ТРАВА ПАХНЕТ СОЛНЦЕМ.
Повесть.
Рис. М. Майофиса.
Л., 1967, 112 с.

ДЕНЬ НАЧИНАЕТСЯ УТРОМ.
Повесть.
Рис. Л. Павловой.
Л., 1965, 108 с.

ОБИДА.
Повесть.
Рис. А. Ивасенко.
Л., 1971, 63 с.

БУДЬ ГОТОВ!

КАРТА ЮЖНОЙ АМЕРИ
ОКЕАН
МАСШТАБ

40 коп.

Издательство «Детская литература»